

ФАНТАСТИКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИЛОТА #3

МЕДИА
КНИГА

АЛЕКСЕЙ РУДАКОВ СТАРАТЕЛЬ

Алексей Анатольевич Рудаков
Возвращение
Пилота. Старатель
Серия «Возвращение пилота», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Что поделать. Аномалии, возникшие на альтернативной Земле, оказались сильнее его и вольный пилот Сэм Люциус, позывной Поп, был вынужден уделить внимание этому миру, в ущерб рассказу о своём возвращении в родную вселенную. Но то повествование будет завершено. Точно. Обещаю. Своевременно, или несколько позже.

А пока вас ждут приключения в мире пережившим глобальную катастрофу, где правят бал загадочные аномалии и злобные мутанты, а люди, сумевшие выжить, развязали гражданскую войну истребляя друг друга.

Что вызвало катастрофу? Чужой корабль, тьму лет назад упавший на планету? Пытливые умы учёных, обнаруживших новую загадку, или виной тому происки неких сил, пытавшихся установить новый мировой порядок?

Это и предстоит выяснить Сэму, влипшему в очередную историю.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2,	28
Глава 3,	69
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Алексей Рудаков

Возвращение

Пилота. Старатель

*Посвящается любимой жене и сыну, погибшим
от ковида.*

Глава 1

Она же предисловие

Система Камадхеу,

Станция Шаджин, головной офис службы расследования еретических происшествий (Инквизиции).

Станция привычно раздалась в стороны, когда мой корабль, проскочив игольное ушко шлюза, оказался внутри посадочной зоны.

Со стороны могло показаться, что пилот, с полуприкрытыми глазами дремлет в кресле, полностью доверив корабль автоматике, уверенно ведущей его машину к площадке, отмеченной цифрой 24, но, на самом деле, это было не так.

Передав управление Бродяге, я не предался заслуженному отдыху, но занимался тем, что, прокручивая в голове различные варианты, готовился к разговору со своим непосред-

ственным начальником – его преподобием братом Тоддом, которому, после доклада о выполненном задании, я хотел положить на стол заявление об уходе.

То, ради чего я вернулся в Инквизицию, было вполне – вторая часть Древнего, полученная мной при разборе трофеев Адмиральского Мятежа, сейчас покоилась в кратере неприметной мёртвой планетки, настолько бедной, серой и невзрачной, что заняться поисками на её поверхности чего-то особенного мог только... только... Нет, у меня не хватает фантазии вообразить себе личность, готовую отправиться в подобную дыру, где нет совершенно ничего хоть самую малость интересного.

Впрочем, спорить, или биться о заклад, не буду – моё знакомство с людьми давно уверило меня, что уж чего-чего, а психов в нашей породе, хватает.

Ну да и ладно. Найдёт – молодец. Вторую часть ему придётся искать на другом краю обжитой человечеством сферы, в мире, радикально отличающимся от предыдущей, никчёмной, планетки.

В каком?

Упс... Не скажу. Это дело – я про Древнего, его создателей и тому подобное, касается только нас, а кому интересны детали – в «Записках Пилота» и прочих описаниях моих вынужденных походов, всё расписано самым подробным образом.

В общем, подводя итог вынужденному вступлению, до-

бавлю, что сейчас я планировал свалить из лона нашей Матери Церкви, как бы хорошо здесь ко мне не и относились.

Корабль мягко качнулся, замирая на посадочном столе, снизу защёлкали замки, фиксировавшие опорные лапы и я, словно салютуя им, принялся расщёлкивать страховочные ремни, надёжно удерживавшие меня в кресле пилота.

– С тебя полное тех обслуживание и заправка, – выдравшись из кресла киваю Бродяге – Искусственному Интеллекту, ставшему моим напарником... эээ... Извините, если начну объяснять кто он, откуда и как оказался, то это надолго будет. Скажу проще – Бродяга мой спутник, товарищ, помощник, ходячая, вернее летающая энциклопедия и, одновременно, жутко занудное создание, которому я подобрал мобильное тело с множеством гибких манипуляторов. А ещё его, временами, переклинивает на блатной сленг, вытравить который из него мне никак не получается.

– Поесть закажи, – оборачиваюсь в сторону оранжевого чемодана, прилепившегося к потолку рубки: – В смысле не сейчас, а запасы пополни. Полуфабрикаты там разные, овощи замороженные, ну в таком духе. А, да. И выпивку закажи. Пива пару ящиков, вина, крепкого чего. Хорошо?

– Овощи? Спирт? Сэм, ты, я не спорю, батя здесь, но глушить единственно ценное, что у тебя есть – разум, причём добровольно, этого я понять не могу.

– Бродяга! Просто закупи, что я сказал! – Не желая вя-

зывать в спор, высказываю из рубки, отсекая его дальнейшие слова массивной дверью.

Хм... Бродяга стал повёрнутым на здоровом питании? Предыдущим его увлечением, если так можно выразиться относительно разумного дроида, был спорт. Для поддержания формы.

Не его, разумеется, ему-то, железному, что.

Форму надо было поддерживать мне, и Бродяга настырно выедал мне мозг, пытаясь заставить заняться этим делом. Он даже одну из пустующих кают переделал. В спорт зал. Ага. С тренажёрами, массажными креслами и даже мини-сауной – капсулой наподобие душевой кабинки, где я должен был сидеть после спортивных занятий.

Если финансово всё это и было не особенно обременительно, то вот физически, эти занятия, выматывали меня в ноль.

Как я подозреваю, в корне всего этого – я и про спорт, и про здоровое питание, в основе всего этого лежал страх остаться одному.

Да, Бродяга, гордо рассуждавший о превосходстве электронных форм жизни над биологическими, жутко, до дрожи, если так можно сказать о машине, боялся остаться один. Вплоть до того, что он куда как благосклоннее относился к приводимым на борт девкам, нежели к тем моментам, когда я пользовался подобными услугами в специализированных заведениях.

Вот такая загогулина электронного сознания.

Впрочем – тут были и плюсы. Я быс совершенно уверен, что и еда, и закуски, и выпивка – всё это будет загружено на борт так, что холодильники со стазис-камерами будут просто трещать по швам, сжирая массу энергии на исполнение своих задач.

Чёрт!

Я вновь отвлѣксѧ – приношу свои извинения и немедленно перехожу к более важной части.

Дверь в кабинет брата Тодда скользнула в стену едва я поднёс руку к сенсору звонка. О как! Прежде мне приходилось стучать – сенсор был дохлым уже пару месяцев, а мои предложения по его замене, начальник отметал прочь, ехидно замечая, что те, кому надо постучат, не развалятся, ну а коли мозгов на постучать не хватает и очередной проситель тупо машет лапкой у сенсора, так и нечего на подобную жертву эволюции время тратить.

– Починили? – Зайдя внутрь кланяюсь, придерживая полы инквизиторского плаща.

– Да был тут один грешник, – не поднимая головы Тодд кивает на стулья, стоящие вдоль переговорного стола: – Не спрашивая меня починил. Там ерунда какая-то была. Контакт отошёл.

– Вы его того? – распустив завязки плаща, вешаю его на крюк у двери – как он не хорош, плащ, то есть, но – хватит!

Больше я его не надену: – Грешника? Сожгли?

– Аутодафе? – Наконец он поднимает голову и мне становятся видны даже не серые, иссиня-чёрные круги под его глазами.

Ого!

Никогда прежде ни видел его настолько измотанным.

Эти круги, красное, что блестящее от пота лицо и, венчая образ до смерти вымотанного человека – сверкающий от масла череп.

Кто, какая сволочь, сказала Тодду, что его череп имеет идеальные формы – не знаю. Знал бы – убил на месте. Как по мне, то короткий седой ёжик шёл ему куда как больше.

Но, брат Тодд, прежде не обращавший никакого внимания на свою внешность, лишь бы сутана чистой была, вдруг проникся этими словами, и, проведя тщательную эпиляцию головы, принялся натирать кожу различными маслами, отчего та блестела как новогодняя игрушка.

– Зачем аутодафе? – Смотрит он на меня и, одновременно, сквозь: – Человек помочь хотел. Был полон благих намерений.

– Благими намерениями, – покачав головой, перебиваю его: – Сами знаете куда дорога вымощена.

– Знаю, Сэм, – улыбается он в ответ краешками губ: – Я, вообще, много знаю. Много, да. Особенно, – делает он паузу, фокусируя взгляд на мне: – О своей команде.

Оп-па...

А это прямой намёк. Ну да ладно, теперь моя партия настала. Вытаскиваю из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок с заявлением.

– Кстати о команде... Тебя Гайнц отыскал? А сам он где шляется?

– Гайнц? Это кто? – усевшись, непонимающе смотрю на него: – Вы о ком брат Тодд?!

– Издеваешься?! О твоём собутыльнике, о ком ещё!

– Я не понимаю о ком вы говорите.

– Сэм! Сейчас не время! Гайнц – мой помощник, секретарь. Ты – мой порученец! Последнее говорю на случай, если у тебя с памятью проблемы. И учти – отпуска, если ты симулируешь переутомление, не дам!

– А Ариша? Она же была вашим помощником? Перед вылетом же! Мы тут совещались?! Здесь. Вы её что? Уволили?!

– Ариша? – Тодд морщит лоб, копаясь в памяти: – Понятия не имею – о ком ты. И – какое задание?! У тебя же выходной был. Вымолил-таки.

– Выходной? – Хмыкаю, припоминая жаркую схватку с еретиками, ну или говоря проще – пиратами, оседлавшими одну из трасс, по которой нет-нет, да и проходили корабли нашего отдела с грозами, скажем так – особого характера. Бред какой-то!

– Так... Значит ты утверждаешь, что не развлекался с девушками в баре, а трудился во славу Матери нашей?

– Лог бортового компа гляньте – там всё.

– Гляну, но это не важно.

– А что важно?

– Ты только что из гипера.

– Верно.

– И ты не врёшь, – бросает он на меня требовательный взгляд: – Про задание, Аришу эту и прочее?

– Не вру, – выдерживаю его взгляд, заслужив одобрительный кивок и продолжаю: – Что происходит?! Брат Тодд?!

– Именно это я и пытаюсь выяснить. Возможно, – поморщившись, он принимается массировать лоб, прикрыв глаза и бормоча себе под нос: – Возможно... Вполне возможно, что гипер сыграл роль щита, прикрыв тебя от аномалий, принявшихся расползаться от того проклятого места.

– Откуда?! Да что за чёрт! Говорите уже нормально!

– Ты не забыл, где находишься? Поминать... – не договорив, Тодд сокрушённо качает головой: – Здесь? В присутствии духовного лица? Эту нечисть поминать?!

– Так вы же сами...

– Стой! Ты произнёс это слово естественно, будто всегда так выражался в моём присутствии.

Понимаю плечами:

– Ну да, всегда. Чего тут такого?!

– И некая Ариша. Плюс твоё, якобы, задание.

– Якобы?! Да меня там чуть...

– Помолчи, думаю.

Смолкаю, принимаясь вертеть в руках своё заявление об

отставке.

– Значит всё же изменения произошли. – Спустя минуту он, не глядя на меня, качает головой: – И нам совсем неизвестно, что может произойти дальше. Ариша... Женщина?

Киваю.

– Женщина в Инквизиции! Спаси нас Творец от подобного! – Всплёскивает он руками: – Так можно и до мужеложества, как нормы докатиться! Нет! Этому нужно немедленно положить конец! Сэм! Дело секретное, но так выходит, что поручить его могу только тебе. Смотри.

Проектор, стоящий на столе, высвечивает объёмную модель нашего Пузыря – области пространства, освоенного человечеством.

Короткая манипуляция с пультом и картинка увеличивается в размерах – теперь передо мной висит карта сектора, расположенного совсем рядом – в каких-то трёх десятках световых лет от нас.

Ничего необычного – Звёзды, соединённые цветными линиями торговых трасс, бледно-багровая туманность, самым краешком заползшая в границы сектора – в общем, всё как обычно.

Уже хочу высказать своё удивление, как проекция снова принимается расти, держа по центру совершенно пустой кусок пространства. Или не пустой? Маленькая багровая точка, принятая мной за обрывок туманности, разрастается до небольшой сферы размерами со среднюю планету.

– Это! – карандаш в руке Тодда пробивает сферу навывлет: – Портал. Наши аналитики дали сему образованию такое имя.

Куда ведёт спросить не успеваю – пока слова складываются у меня в голове, мой начальник, выбравшись из-за своего стола, усаживается напротив, снова погружая карандаш в проекцию.

– Сейчас это секретно. Слушай. Тебе можно, благо ты менее других задет изменениями и, вдобавок, моё доверенное лицо. Портал ведёт, – он на миг смолкает, словно собираясь с духом и продолжает, давя меня тяжёлым взглядом:

– На Терру.

– Куда?!

– На Терру, только не нашу.

– Это как?!

– Та Терра в прошлом. Примерно две – две с небольшим тысяч лет в минус.

– В прошлое, что ли?

– Да. Похоже, и это наши умники, тоже предположили, что эта версия прародины, – карандаш крутится вокруг багрового пятна: – Из другой реальности. С нашей всё в порядке – на месте, и без изменений. Мне постоянно доклады приходят, – Тодд кивает на монитор: – Раз в четверть часа.

– Так...

– Я считаю, что случившиеся изменения – эта Ариша, твоё, якобы, задание и прочие эээ... вещи, случившиеся не

только с тобой... – морщится он: – Да, до твоего прихода я получил несколько докладов о странном поведении пилотов, как и ты только вышедших из прыжка. Так что, как это не печально, – разводит он руками: – Но у меня есть основания полагать, что меняется именно наша реальность.

– Под воздействием этого? – киваю на пятно: – Исследовали?

– Нет, твоего разрешения ждали, – фыркает Тодд: – Конечно. Туда посылали дронов, но они гибли спустя час – два после прохождения Портала. Причина – неизвестна. А вот живым существам – ничего.

– Эээ... брат Тодд, я, вообще-то, это, – взмахиваю своим прощением: – Тут дело есть. Одно. Обсудить бы.

– Мы на ту сторону одного грешника, закоренелого, отравили, – продолжает он, глядя сквозь меня: – Во искупление. Почти двое суток продержался.

– А после помер?

– С чего ты так решил? Обратно, дроном, притащили. Дрон сдох, а этому – ничего. Здоров, только стресс сильный. Сейчас в монастыре грехи замаливает и жрёт в три горла.

То, куда он клонит, мне совсем не нравится, и я принимаюсь демонстративно вчитываться в текст своего прощения, надеясь хоть таким образом привлечь его внимание.

– Но самое главное, – отобрав у меня бумагу, он складывает её по сгибам, кладя на стол перед собой:

– Всё остальное после. Не отвлекайся.

– Так это, брат Тодд. Я...

– После, я сказал! – Хлопает он ладонью по столу: – Сюда смотри, – проекция сменяется видом руин какого-то города: – Это сняли наши дроны. Терра, альтернативная, пережила апокалипсис. По нашим оценкам – лет за пять-восемь до наблюдаемого момента.

Холодею. Неужто механоиды? Но их же не должно быть? Тот изгиб истории должен был быть спрямлён. Точно же! В архивах и намёка на те события нет – а уж наши архивы – лучшие. Это я точно знаю. Копался там плотно.

– Есть подозрение, – продолжает тем временем Тодд: – Что на эту Терру упал чужак. Экипаж погиб.

Осторожно выдыхаю – не механоиды, и то хорошо. А чужак... Ну что от одного корабля случится? Он – пылинка в масштабе планеты.

– И что? Чужак? Пффф... – отмахиваюсь от его слов: – Брат Тодд, да у нас корабли каждый день падают и ничего. А этот? Чужой, вы говорите? Ну упал, ну загадил кусок земли, ерунда, право слово.

Вглядываюсь в изображение. Пять – восемь лет? Похоже – грузовик, попавший в кадр, хоть и проржавел, но ещё не в труху – синяя краска, покрывающая его кабину, вполне различима, несмотря на множество бурых пятен по металлу. А чего не убрали? И руины эти...

Нет.

Чем больше я вглядываюсь в картинку, тем меньше мне

она нравится. От неё какой-то безысходностью, что ли, веет.

– Кусок? – Хмыкает Тодд: – От населения этого мира и десяти процентов не осталось!

– Десяти?! Там же... Там миллиардов семь, если не больше было?!

– Почти восемь. И да – их мир был разрушен. Полностью. Мы так считаем. Те, кто выжил, сильно откатились назад в своём развитии. Не дикари, конечно, но никаких высоких технологий. Практически.

Посылаю Тодду вопросительный взгляд, он морщится, но всё же отвечает, сменив картинку.

Её точно делал дрон, пролетавший где-то в тысяче ка-ме над поверхностью. Картинка слегка размыта – всё же расстояние велико, но я разбираю относительно уцелевшие здания, прикрытые сверху бледно-голубым щитом.

– Силовое поле? А вы говорите – практически дикари.

– Я так не говорил, – мотает он головой: – Запомни! Нельзя сразу в каменный век упасть. У местных ещё сохранились старые припасы – одежда, оружие, и...

– Оружие? – Презрительно фыркаю: – Что? С-дула-заряжай самопалы? Или заточенными железками размахивают?

– И такие, и вполне современные – для их времени, конечно. Есть образцы автоматического оружия. Но не это главное – Купол видишь?

Киваю.

– Это не наши поля. Не те характеристики. Эти – на со-

вершенно других принципах. Наши умники уже неделю не спят, пытаясь понять, что это и как работает.

– Технология чужака? – Откинувшись на спинку стула разглядываю синий диск защитной структуры.

Хреново. Очень хреново.

Если местные освоили такие технологии и пробили проход к нам, то всё плохо. Кто знает, что на уме у людей, потерявших всё, вооружённых и оказавшихся в нашей реальности? Мало нам своих проблем – так вдруг ещё и эти ползут со своей Терры-Два? Так здесь вообще задница будет. Мир на ниточке висит, пограничные конфликты, пираты, подкармливаемые политиками... И эти, из прошлого. Хм... Технологии не наши... Хм... А сами-то они кто? Ещё люди, или уже чужие?

– Проникся? – Тодд возвращается на своё место, а я молча развожу руками.

– Да, Сэм. И это ещё не всё. Там ещё замечены непонятные образования – аномалии. Нам удалось записать несколько разговоров – а после и расшифровать по губам местных. Дрон, делавший запись, опустился до трёх сотен километров, где и развалился на части, но запись передать успел. Их, этих аномалий, несколько типов, причём они опасны для жизни – народ в них гибнет часто. И, на закуску, местные воюют. У них и гражданская война, и с окружением проблемы – местная живность мутировала, – покачал он головой и

хотел было продолжить, но я, подняв руку, перебиваю:

– Гражданская?! Они что – совсем идиоты?! Мир разрушен, а они друг в друга палят?!

– Да, но! – Тодд поднял вверх палец: – Но их численность, как они не стараются, стабильна. Они никак не перебьют себя, хоть и убивают друг друга каждый день.

– Это как? У них что – мед центры с воскрешателями, подобными нашим есть?!

– Не такие, как у нас, но нечто похожее. Что именно – мы не знаем, – теперь уже он разводит руками, подтверждая свои слова жестом: – Но из таких вот зон, убитые в схватках и выходят. Здоровые, без ран.

М-да...

Плакала моя отставка и мечты о спокойной жизни в уютной норке. Чёрт! Не вовремя-то как! Нет бы этому Порталу месяцем позже появиться?!!

– Добавим сюда начавшие появляться искажения прошлого и событий. Возможно, наши реальности готовятся слиться в одну, новую. Это, пока, теория, но, – он разводит руками: – Факты, к сожалению, свидетельствуют об её жизнеспособности. Так, уже у нас, с нашей стороны Портала, появилось аномальное образование. К счастью, этот сгусток энергии рассеялся очень быстро, но факт тревожный, согласись.

Киваю. Да, если оттуда сюда, к нам, их гадость попёрла, то Тодд прав – пока Портал не закроется, или сам собой не

рассосётся, ситуация будет только ухудшаться.

– В общем, сам видишь, плохо всё.

– А разгребать мне? – Смотрю ему прямо в глаза: – Пошлите десант боевых братьев. Они там выжгут всё на метра два вглубь – тишь да благодать будет. Во славу Веры, разумеется.

– Не всё так просто. Этот сектор, – картинка пропадает и вместо неё вновь появляется карта сектора:

– Наглухо закрыт военными. Прохода нет ни для кого. Даже для нас. Властители мирян, – поднимает он глаза к потолку: – Пытаются найти свою выгоду, или спихнуть неприятное на соседа.

– А как же тот грешник?

– Этим путём второй раз не пройти, – уходит он от ответа, но краткое облегчение – я всё ещё надеюсь, что эта чаша минует меня, исчезает, как только Тодд продолжает:

– Ты пойдёшь на прорыв. Корабль мы тебе дадим. Курьера с модифицированными движками. Он небольшой – проскочишь, не подстрелят. Далее, пройдя Портал, пойдёшь на посадку. Где-то на трёхста от поверхности, Курьер развалится, но ты, едва заметишь признаки разрушения, катапультируешься. Скафандр у тебя будет. Лёгкий. Парашют тоже. Пользоваться им ты должен уметь, но он сработает автоматически. Там примитивная механика – должна сработать. Легенда для местных – ты пилот из их прошлого, до Катастрофы. Испытывал новый и секретный кора... самолёт. Запомни –

местные только-только начали осваивать космос. Крохотные орбиталки и спутники связи их предел. Так что ты пилот атмосферника. Самолёт называется. Дроида своего за новую разработку выдашь. Там как раз до Катастрофы пошло увлечение подобным. Дроны-шпионы, доставщики, простейшие боевые платформы и так далее. Никто не удивится, что у тебя какая-то особая модель.

– Я?! Какого чёрта, Тодд?! – Вскидываю на ноги: – Это, – показываю на заявление, лежащее перед ним: – Моя отставка. Ознакомьтесь и примите.

– Сэм, – Тодд тоже встаёт: – Давай по-хорошему. Разберёшься с ситуацией, сигнал дроидом отправишь, вытащим. Вытащим! – С нажимом повторяет он: – Об ином – не думай. Портал рос медленно, есть мнение, что и схлопываться он будет так же постепенно. В общем – вытащим, не сомневайся! Вот тогда и об отставке поговорим.

– Нет. Всё, отче. Я – пасс.

– Надо, Сэм, понимаешь? Надо это остановить, а ты лучше других для этого мероприятия подходишь. И опыт есть, и знания, да я просто чувствую – справишься.

– К чёртовой матери ваши чувства, преподобный! Я – пасс. Имею право и этим правом – воспользуюсь! Мне поход в один конец не улыбается!

– И, тем не менее, ты отправишься на Терру и закроешь Портал. Не вынуждай меня...

– Нет!

– Жаль, – вздохнув, он щёлкает клавишами клавиатуры: – Я надеялся избежать подобного.

Дверь распахивается и в комнату врываются штурмовики, немедленно схватывая меня и выкручивая руки, да так, что я бьюсь мордой о стол.

– Сдурели?! Больно же!

– Ты обвиняется в богохульстве, оспаривании Святых Основ, постыдной торговлей Святыми Дарами и, – Тодд разводит руками: – Ереси.

– Какого чёрта, Тодд?!

– И снова грех богохульства в святых пределах, – сокрушённо качает он головой, после перевода взгляд куда-то мне за спину: – Засняли факт грехопадения?

– Так точно, преподобный! – Рывкает кто-то невидимый и я рычу от бессилия – Тодд, сука, отлично всё просчитал!

– Отключите запись, – командует он, а затем склоняется надо мной:

– Извини, Сэм. От других вариантов ты сам отказался. Пытаться на Курьере удрать не советую. Я сейчас все СМИ подниму – отклонишься от курса – сдадут нам немедленно. Даже пираты, которым ты жизнь изрядно испортил. Не думаю, что тебе понравится келья в каком-то отдалённом монастыре на ледяной планете. С пожизненной епитимью.

– Сволочь!

– Не без этого, – он улыбается краешками губ: – Ты справишься, Сэм. Вот увидишь – справишься. Выпрямившись,

он поводит рукой, снова обращаясь к кому-то невидимому:
– На грешника наложена епитимья! Десять лет молений в кельи монастыря Святого Феодосия, что на Вулле Лыдистом! Да будет так! – Хлопок ладоней подводит черту и штурмовики, не церемонясь, вытаскивают меня из кабинета продолжая больно выкручивать руки.

Их хватка расслабляется только на ангарной палубе.

– Курить будешь? – старший из них, кивнув своим, те мигот отпускают меня, протягивает пачку сигарет:

– Ты не сердись, – щёлкнув зажигалкой он даёт мне прикурить: – Работа такая.

– Понимаю, – выпустив струйку дыма к потолку перевожу взгляд на него: – Дальше-то что?

– Курьер, – офицер кивает на дверь ангара: – Дроид уже там. Курс, куда лететь, в бортовом.

Киваю.

– Спустишься ниже трёхсот, – повторяет он слова Тодда, ещё раз закрепляя план в моей голове: – Корабль развалится.

Киваю.

– Выдашь себя за военного пилота – у них такие лётчиками называются. Скажешь, что из прошлого. Как у них оказался – не понимаешь. Летел, новый самолёт испытывал и хоп! Ты тут. Поверят и примут. И учти, – он упирает палец мне в грудь: – Там, в кабинете, всё записано. Сейчас пойдёт накачка в СМИ – станешь изгоем. Вернёшься – сделаем ге-

роем. Попытаешься юлить, прятаться – тебе же хуже.

– Угу, – киваю, понимая, какие силы сейчас задействованы моим начальником. Какой тут юлить, или пытаться на дно залечь – найдут. Охотников пошлют, а он лучших наймёт, или даже не наймёт, просто прощение грехов пообещает, так за моей головой очередь выстроится.

Красиво, братец Тодд всё организовал. Ох, красиво – мне сейчас ничего и не остаётся, кроме как добровольно и с песней, в Портал сигануть. Там я, быть может и выживу, а вот в келье на Вулле Лыдистом – точно нет. Знаю я это место – три, ну пять месяцев в каменном мешке и всё, готовьте заупокойную. Да и умирать, медленно промерзая насквозь... Бррр... Лучше пулю, ну, или аутодафе – на последнем хоть не холодно.

В шлеме моего собеседника что-то плачет и офицер хлопает меня по плечу: – Всё, брат. Пора. Иди. Я буду молиться за тебя.

– Лучше ствол дай, – протягиваю руку к кобуре, висящей у него на поясе, но он делает шаг назад:

– На месте найдёшь. Там этого добра много – Война там у них.

За моей спиной, с лязгом начинают расходиться створки ангара и всё, что остаётся мне – так это кивнуть ему, чтобы затем, развернувшись кругом, шагнуть в темноту, которую только-только начинают разгонять набирающие силу

светильники.

Весь путь до Портала, за которым скрывалась Терра-Два прошёл очень спокойно, несмотря на то, что в СМИ активно муссировали вашего покорного слугу.

Уххх... Я даже загордился.

Нет, не собой, конечно, а структурой, где я служил. Это я про Инквизицию.

Легенду они создали что надо.

Коррупционер, барыживший Священными Дарами, осквернитель святынь – их, то есть, реликвии, или, говоря проще, мощи святых, я, оказывается, воровал, чтобы загнать провинциальным попам за баснословное бабло, и, самое главное – еретик.

Угу. Именно так.

Оказывается, я, во время месс и литургий, постоянно всё нарушал, подвергая сомнению святыне тексты, высмеивая в них некоторые, довольно спорные моменты. Для сохранения своего доброго имени, замечу, что всё, на самом деле, было не так. Спал я. Отсыпался. И на литургиях, и на мессах, благо Тодд, зная моё отношение к подобным мероприятиям, всегда ставил меня в самый тыл, где было так удобно дремать, привалившись к покрытой фресками стене.

Но СМИ было виднее.

Моя ересь, в основном, касалась чудес, что в ветхой древности делал Спаситель, и которые, то есть чудеса, служили

непоколебимой основой его святости. Ну, например, то самое чудо с хлебами, когда он, всего семью булками, накормил несколько тысяч. Якобы моя критика касалась не самого факта чуда, а того, как эта толпа смогла вместиться рядом с ним. Мол – не было там столько народу, физически не могло быть – слишком большое количество для той слабозаселённой местности. Ну и в таком духе и дальше.

Но самым страшным «моим» – в кавычках, преступлением, было то, что я регулярно наезжал на епископов и прочих кардиналов, обвиняя тех в грехе стяжательства и алчности.

Вот этого мне простить уж никак не могли и, когда чаша их терпения наполнилась, меня и прижучили, осудив, лишив сана и, с позором отправив в отдалённый монастырь, расположенный на о-о-о-очень отдалённом куске льда.

Вся бы эта прелесть – я про свои, якобы, прегрешения, так и осталась бы внутри нашей Святой Матери, если бы я не сбежал с того монастыря.

Ага. Именно так – нагло, лихо и поправ все нормы приличий.

Ну, якобы, как вы понимаете.

Как оно на самом деле было – вы уже знаете.

Так вот – дал я по голове брату-пилоту, привезшему свежие новости, запрыгнул в Кобру и – ходу. Понятное дело, что мои тюремщики возмутились – как так! Вместо того, чтобы, сидя в холодной келье грехи замаливать, он вон чего выкатил!

Но, так как та планетка была чёрт его знает где, и что к ней летали крайне редко – делать там нечего, факт моего бегства вскрылся спустя довольно продолжительное время.

Да и как вскрылся?

Церковь, не сумев разыскать беглеца – я слишком хорошо прятался, обратилась и к Империи, и к Федерации со смиренной просьбой найти и передать им беглого монаха.

Естественно, и те, и другие – согласились.

Ну как не помочь Матери своей?

Но, при этом, затребовали все данные по моей личности, которые, как легко догадаться, сразу стали достоянием общественности. Как я понимаю, попутно, неплохо обогатив нескольких офицеров, отвечавших за связи с Церковью.

СМИ, и это тоже легко догадаться, с восторгом принялись раскручивать эту тему.

Ну а как же! Впервые, за долгое время, на поверхность всплыл церковный скандал, наглядно демонстрируя то, что прежде тщательно скрывалось!

Добавлю от себя – ознакомившись со всей информацией, я, признаюсь, натурально охренел от размаха своих дел. Да и не только от него. Поначалу, ещё читая новости, я только качал головой, дивясь той грязи, что Тодд задумал вывалить на общественность. Всё же, Святая Церковь, достаточно закрытая организация, а ту такое...

Понимание ко мне пришло чуть позже – когда в новостях проскочила, немедленно исчезнув, новость об отставках ря-

да священников, бывших в окружении именно тех епископов и кардиналов, которых я, якобы, особенно зло клеймил за прегрешения.

Дело ясное – Тодд, вернее наш скромный отдел, ага, тот самый, что тихо-мирно расследует различные еретические прегрешения, решал свои задачи, не то продвигая своих людей на освободившиеся посты, не то просто сводя счёты по старым долгам.

Впрочем, зная Тодда, тут, скорее всего, решались сразу обе задачи.

Ну да ладно. Бог ему, как говорится, судья.

Мы же вернёмся к нашим баранам, то бишь к Порталу.

Весь путь, повторяюсь, прошёл просто идеально.

Так вот. До самой планеты я добрался спокойно. Мимо охранения проскочил – всё же Курьер, да с модифицированными движками – куда там охранению, дремавшему в кабинках своих стандартных лоханок. Ну поорали вслед, постреляли – естественно мимо – ты попади ещё в крохотный кораблик, несущийся прочь во весь опор. Да и сам Портал был рядом, в общем, с этим этапом пути, проблем не возникло.

Сюрпризы начались чуть позже, стоило только Курьеру начать снижение, входя в плотные слои атмосферы.

Глава 2,

в которой мы прибываем на Терру-Два, где с первых же шагов начинаем знакомиться с новым миром

Да, офицер, если так можно сказать, проводивший меня от офиса Тодда к ангару с кораблём, не зря упоминал о сюр-призах.

Всё, именно так, и произошло.

Стоило кораблю пересечь границу в три сотни ка-ме над поверхностью, как нас с Бродягой конкретно потрянуло, а затем, считанными секундами спустя, лобовое стекло принялось покрываться трещинами. В этот момент мы шли над поверхностью самого крупного материка, двигаясь с запада на восток и память Игоря то и дело подкидывала мне сведения об этой территории, оказавшейся родной для него, а значит и для меня.

Спускаемся до двухсот пятидесяти – к трещинам, готовым почти полностью перекрыть обзор, добавляется плач силового набора – самое поганое, что может услышать ухо пилота.

Всё. Конец.

Ещё немного и балки, составляющие костяк корабля,

вскрикнув напоследок, начнут ломаться, разваливая корпус машины на части и выбрасывая неудачливого пилота в пустоту.

Но здесь пустоты нет – а значит атмосфера, стоит только силовому щиту сдохнуть, встанет каменной стеной на пути моей скорлупки, расплющивая её о себя. И да – с весьма печальными последствиями для моей тушки.

Тяну рычаг управления на себя, задирая нос Курьера, и, одновременно сбрасываю тягу в ноль.

– Бродяга! Приборы!

– Сто семьдесят! Сто пятьдесят три! Сто двадцать...

– Что сто двадцать?

– А что приборы?! Высота – сто! Семьдесят! Полста!

– Катапульта!

Секунда и дроид, обхватив меня своими манипуляторами, прижимается ко мне. Ещё миг и кресло, взревев движками, вылетает сквозь отскочившую прочь прозрачную крышку кабины, чтобы немедленно отбросить меня прочь, коротким пинком выразив сожаление о столь коротком знакомстве.

Падаем.

Это не страшно. Падение – та же невесомость, привычная любому пилоту... или лётчику – заставляю думать себя местными терминами.

Верчу головой – впереди не то море, не то океан. Нет, подсказывает память Игоря – океан. Тихий. Так его тут называ-

ют. Внизу – длинный, вытянутый с севера на юг, остров. Сахалин – в голове само собой всплывает название.

М-да... Дыра. Самая окраина крупнейшей на этом материке страны.

Эх! Раньше! Раньше надо было прыгать! Что я тут найду?!

– Восемь, – слышится в шлеме голос Бродяги:

– Скоро парашют раскрывать пора.

Ну пора, так пора. Не люблю я это дело – висишь как мишень, разве что подруливать чуть можешь.

Рывок.

Над головой, с шелестом раскрывается ярко оранжевый купол.

Ещё хуже – меня же за версту видно будет?! А у местных – война. Чёрт его знает, что им, обезумевшим от убийств, в голову взбредёт?! Шарахнут очередью и привет. Я-то как они, не воскресну, чужой я.

Приземление прошло хорошо – спасибо Бродяге, врубившему все свои движки в метрах от поверхности. Отщёлкиваю ремни и яркое пятно парашюта уносится прочь, увлекаемое свежим ветерком.

Так.

Теперь снять скафандр. Лёгкая оболочка, защищавшая меня весь мой путь, сейчас совершенно неуместна, да и не сможет она спасти меня ни от пули, ни от клыков мутантов. А вот сверить под местным солнышком – вполне.

– Вот и прибыли, – охая и растирая ушибленные места, поднимаюсь на ноги:

– И что дальше? Куда идти? – Оглядываюсь по сторонам. М-да... Видно... Да ни черта, особо не видно.

Мы на опушке леса. Причём, судя по стволам – сосново-го. Ну, или чего-то местного, весьма и весьма похожего на сосны – высоченные чешуйчатые стволы, с густыми кронами на верхушках. С другой стороны – луг. Тот самый, чья мягкая, порядком выгоревшая на солнце трава, приняла меня в свои мягкие объятия. Чуть дальше, наискось от нас, бежит небольшая речушка, берега которой кое-где заросли камышом. Да-да, или неким местным аналогом с узкими листьями и коричневыми цилиндриками на концах стеблей. Чёрт его знает, что это – пусть будет камыш.

Что ещё?

Птички поют, солнышко светит – прямо идиллия. Сейчас бы удочку, да туда – к камышам. Разуться, опустить ноги в воду и подрёмывать, глядя на танец поплавка, чуть подёргивая его, что б течением не сносило.

– Как это куда? – Сварливый тон Бродяги вернул меня к реальности:

– Ты что, пока мы падали, не заметил?

– Занят был, – досадливо морщусь, хорошо помню, как беззвучно молился всё время, что мы, так сказать, приземлялись. Ну да, я не шибко верующий, но верно говорят – в падающем самолёте атеистов мало.

– Ах...Простите, – теперь его голос полон язвительности: – Не знал, что орать во всё горло – это важное занятие.

Хм... А я что – орал? Не помню. Горло, правда, саднит, но это, уверен, просто жажда. Хм... А кстати – аварийный запас тут есть? Вроде как положен, для вот таких случаев?

– Ты аварийный запас не видел? – Поворачиваюсь к нему: – Там вода, еда, оружие должно быть. Нам бы сейчас пригодилось.

– Нет его.

– Нет, или не видел? Поищи, нам...

– Я тебе уже сказал – нет его. Я корабль ещё до вылета просканил – не было его.

– Жаль. – Вздыхаю, не скрывая разочарования: – Без оружия чувствую себя просто голым. Палку какую подобрать?

– Зато, пока кое-кто столь эмоционально характеризовал наш спуск, я ориентиры засёк.

– Ориентиры? На что?

– Вон там, – гибкое щупальце указывает куда-то вдоль реки: – Есть мост. Мост на дороге. Дорога ведёт куда-то в лес, там я засёк какие-то руины, это нам не интересно, да и далеко, а вот другим концом – дорога ведёт в обитаемое поселение.

– С чего ты решил, что оно обитаемое? – Говорю это, уже шагая в указанном им направлении: – Или ты людей видел?

– Людей нет – далеко. Но там было что-то навроде силового купола, точно такого, о котором тебе Тодд твой гово-

рил, если ты не напутал.

– Он вовсе не мой, – отмахнувшись от него, забираюсь на пригорок и едва не сваливаюсь назад – вниз. Прямо из-под моих ног, оглушительно визжа, выскакивает крупный серый зверёк с длинным, неприятно розовым хвостом.

Крыса?! Или мышь полёвка-переросток?

– Крыса, она же *Rattus Vulgaris*, – немедленно информирует меня Бродяга: – Крупная особь. Для своего вида, конечно. Особой опасности не представляет.

Отбежавшая прочь крыса встаёт столбиком и внимательно смотри на меня.

Хм... А никакой это не вульгарис, то бишь простой, обыкновенный. Не горят глазки у простых крыс так. Ну – блестят, да. Но не светятся как парочка прожекторов, пусть и маленьких.

Короткий писк и над травой разом возникает добрый десяток голов.

– Ты там что про опасность говорил? – Подобрал с земли толстую ветку взвешиваю её в руке: – Типа опасности нет? От одной? А от десятка?

– Ходу! За мной! – Бродяга, совавшись с места несётся прямо на крыс, молотя уставившиеся на него головы своими гибкими щупальцами. Ему удаётся проскочить с десятков метров, прежде чем до крысиной армии доходит что что-то не так и они, всей стаей, бросаются за ним, азартно и разноголосно пища.

Это было эффектно!

Бродяга нёсся в ореоле кровавых брызг, размахивая сразу всеми своими щупальцами да так быстро, что те, порой, размазывались, превращаясь в подобие пропеллеров. Но крысам всё это было нипочём. Оглушительно пища, рыча и, как мне показалось, переговариваясь на своём, крысином языке – в пiske слышались отдельные слова, если так можно сказать, крысы волнами накатывались на Бродягу со всех сторон.

Сколько их тут было – не скажу. Сотни, наверное, если не тысячи. С моего холма, где я замер, не решаясь рвануть за ИИ, было видно, как вокруг оранжевого пятна его корпуса расплывается серо-чёрное облако, плотно перекрывая собой светлую траву.

Но и стоять было бессмысленно – Бродяга быстро удалялся, вдоль реки и перспектива, что крысы, поняв неуязвимость своего противника, вернутся назад, не в самом добром расположении духа, такая перспектива меня не вдохновляла.

А потому, несколько раз глубоко вдохнув, сбегая вниз, нацеливаясь левее происходящей бойни. Там, если Бродяга не ошибся, где-то в том направлении, дорога. Вот выскочу на неё – всё легче будет.

Но пробежать я успеваю всего ничего.

Резко кончается дышалка, появляется боль в боку и я, морщась и кляня себя за сидячий образ жизни, курение и полнейшее пренебрежение спортом, перехожу на быстрый шаг,

а ещё пару минут спустя – и вовсе на ходьбу.

Да уж... Вот она, расплата за подобный образ жизни. Не, ну зачем пилоту бегом заниматься – в пустоте не побегаешь, ну а то, что я вот в такой ситуации оказался – кто ж знал то?!

Хм... Как кто?! Тодд, что б его черти, в аду, куда он несомненно попадёт, на разбавленном масле жарили! Вот ему что? Сложно было предупредить? Намекнуть? Так нет – молчал, сволочь в рясе! Ладно, отче, демон тебя раздери, вот вернусь – рассчитаюсь по полной! Даже с запасом. На следующие случаи!

Дыхалка восстанавливается, и я снова перехожу на рысцу, косясь на всё продолжающуюся битву. А он неплох, это я про Бродягу. Взлетел повыше и сейчас, нарезает круги, сбивая в полёте прыгающих на него крысюков.

Фууух...

Дорога.

Вскарабкиваюсь на неё, где и замираю, согнувшись и уперев руки в колени.

Ага... Бродяга, заметив, что я выбрался куда надо, свечкой взмывает вверх, разом оказываясь метрах так в десяти над плотной толпой крыс.

Те, поняв, что добыча ускользнула, провожают его взлёт разочарованным писком, принимаясь рассасываться по окрестностям.

– А хорошая у тебя крысобойка.

Голос, судя по всему принадлежавший молодому мужчи-

не, заставляет меня вздрогнуть.

Кручу головой – никого. Небольшие кусты, просматриваемые насквозь, спокойно колышущаяся на лёгком ветерке трава и никого.

– Оружие бросай, – голос полон спокойствия.

Поднимаю руки – то, что я на прицеле, ясно как этот день.

– Нету.

– Что – совсем?! – К спокойствию добавляется неподдельное удивление.

– Угу, – развожу руками над головой: – Ты это, не стреляй. Новичёк я. Не местный, только приземлился.

– Сел? – Справа от меня, из травы поднимается фигура в светлом, сливающимся с травой, одеянии:

– Ты же стоишь?

– Пилот я, – раздражённо отвечаю ему: – Вспышку вверху, – машу рукой в сторону ползущих облачков: – Грохот слышал?

– Думал гром, – ствол, прежде нацеленный на меня, судя по всему это что-то охотничье, 12-го калибра, опускается: – Удивился ещё – вроде не должен пойти, а гремит. Дождь. Пойти. Понимаешь?

Закинув ружьё за спину – да, я был прав, это была охотничья вертикалка – двустволка с вертикально расположенными стволами, мужчина быстро выскочил на дорогу.

– Я чё стрелять не стал, – сунул он руку в карман, оставив вторую на ремне оружия: – Смотрю – морда не знакомая, ну

и поближе посмотреть решил.

– Так ты – лётчик? Круто! – Вытащив из кармана руку, он сжал кулак, оттопырив большой палец: – Ты руки-то опусти.

– Да, военный я. Испытывал новый... самолёт, – опустив руки принимаюсь массировать затёкшие предплечья: – А после – ничего не понимаю – туман, я тут, а машина разваливается.

– Тебя как зовут?

– Сэм, – чуть поколебавшись, протягиваю руку: – Сэм Люциус. Военный пилот. Позывной – Поп.

– Позывной? Это, типа погоняло? – Он крепко жмёт мою ладонь: – А я Виктор. Виктор Смак. Можно так, а можно так, – добавляет он скороговоркой и тут же смеётся удачной рифме.

– Рад знакомству. А до города далеко? Я про тот, что под куполом. Пока падал – заметил.

– До Солара? Да не, рядом. Погоди... – Морщит он лоб, что-то припоминая: – А ты откуда вылетел?

– Оттуда, – машу рукой в сторону: – С базы нашей. Часа три назад. – Тема опасная и я перехожу в наступление, забрасывая его уже своими вопросами:

– Смак? А что тут вообще такое? Где я? Радио молчит, спутники сдохли – где я?

– Ты про Катастрофу знаешь?

– Про что?

– Значит ты из тех времён, что до неё были, – качает он

головой: – Тебе, приятель, свезло. Или нет – это уж как посмотреть.

– Катастрофа? Ты о чём?

– Да я уже всего и не помню. Давно это было. Рвануло сильно, вроде учёные что-то там раскопали. В общем, – странно, но он улыбается: – Весь мир в труху. Народу погибло тогда – жуть. Города и всё такое – в руинах. Ну а мы, – Смак разводит руками: – Сам видишь, крутимся, выживаем. Не до поршлого сейчас – выжить бы. О! А вот и твоя крысобоика, – кивает он в сторону подлетевшего Бродяги: – Не продашь? Пять сотен отдам, знатно крыс рубит.

– Прости, – развожу руками, но нет. Это мой дроид, призыв к нему.

– Ну нет, так нет, – повторяет он мой жест: – Надумаешь, или там денег нужно будет – первым делом ко мне зайди.

– Лады, – киваю ему: – Так что? Я до Солара двину. Это туда? – Показываю на дорогу, убегающую за высокий холм справа.

– Да я провожу, – Смак снова расплывается в улыбке: – Ты чё! Не, я с тобой пойду. Событие же – человек из прошлого объявился! Вот только погоди, – скинув с плеч небольшой рюкзачок, я его прежде и не заметил, он вытаскивает из него пластиковый пакет. Такие ещё одноразовыми называют.

– Сначала – дело, пошли, – протянув мне пакет, Смак, закинув за спину рюкзак, быстро начинает трусить к месту эпической битвы Бродяги с крысами.

Деваться некуда – следую за ним.

С трудом сдерживаю тошноту, подойдя к обильно залитому кровью и заваленному трупами, пяточку вытоптанной травы. Да уж... Бродяга порезвился здесь от души – трупик крыс лежат в несколько слоёв и над ними уже начинают жужжать отливающие металлом насекомые.

Мухи? Ну, пусть будут мухи.

Меня мутит, а Смаку ничего. Присев на корточки, он копается в трупиках, переворачивая их небольшим ножом.

– Ага..., – довольно крикнув, Смак, прямо за хвост, вытаскивает относительно целую тушку – у этого крысюка напроць снесена голова, оставив всё остальное без повреждений.

Быстрый взмах ножа и вниз, прямо на кровавое месиво, валятся потроха.

– Держи, – протягивает он мне выпотрошенную тушку: – Бери-бери. Дяде Боре продашь, он из них такой шашлык делает...ммм..., – закатывает он глаза, но, видя моё непонимание, продолжает: – Ты чего? Бери. В пакет суй. Я ж сказал – Борис, наш бармен и лучший повар Солара, тебе двадцать пять монет отвалит. А Рафику не сдавай. Рафик жадный. Десять, ну, может пятнадцать даст.

– Эээ... – Осторожно приняв тушку, засовываю её в пакет, стараясь не запачкаться: – Да у меня деньги есть, Смак. В банке. Ну, да, спасибо за заботу, но...

– Деньги у тебя там, – выпотрошив следующую, он тычет вверх окровавленным остриём: – Были. Здесь, – лезвие указывает на заваленную трупами землю: – Нет. Я ж тебе говорю – весь мир в труху, где теперь те банки.

– Это как?! – Укладываю тушку в пакет: – И как мне быть тогда?

– Как и всем, – кивает в ответ Смак: – Выживать и зарабатывать. Ты слушай, – очередная тушка отправляется к предыдущим: – У нас своя валюта. Монеты, жетоны, бабло – называй как хочешь. Ща, ещё парочку и пойдём, – отвернувшись, он снова принимается копать в крысах, оставив меня переваривать услышанное.

Ну, Тодд... Ну, удружил, ничего не скажешь. Вот об этом – о том, что я тут нищий, он что, упомянуть не мог? Блин. Хоть бы золота с собой взял. Чёрт!

Ан нет. Всё Тодд, сука, верно просчитал. Я ж лётчик – ну какое у меня золото, если я в испытательном полёте был?!

М-да... Вот действительно – нагими приходим мы в этот мир, нагими из него и уходим.

Купол показался сразу, стоило нам только обойти тот высоченный холм.

Причём, должен заметить, показался он странно, по-другому и не скажешь.

Сначала я увидел высокий забор, частью собранный из типовых бетонных плит, тех, из которых перекрытия жилых

домов делают, а часть из пластин основательно ржавого металла, прибитых к деревянным столбам.

И, замечу, никакого купола.

Я уже хотел возмутиться – мол, куда завёл-то, и даже начал поворачиваться к Смаку, как воздух над забором, вдруг словно сгустился, налился голубизной, и она, я про голубизну, побежала вверх и вглубь... Не знаю, как это описать, но, ещё несколько секунд, и – хоп!

Всё то, что прежде было пустотой, то есть обычным воздухом, вдруг покрылось синеватыми прожилками, которые, переплетаясь между собой и сплели полусферу, которую, назвать иначе чем Купол, было решительно невозможно.

– Ааа... – Засмеявшийся Смак, дружески ткнул меня локтем в бок: – Увидел? Охренел? Вот теперь верю, что ты у нас прежде не был. Все новички охреневают. Первый раз всегда так.

– Ого, – кивнув, показываю на Купол: – А он всегда так? Ну, не сразу появляется?

– Не, я вот, его всегда вижу. А не вижу – всё одно чувствую. Это всё потому, что давно здесь. Пропитался гадостью той, ну, что тут везде есть.

– А я?

– А ты ещё нет. Вот годик-другой по лесам, да прочему побродишь, и вот тогда, – оборвав себя, он шагнул на середину дороги, принявшись размахивать руками: – Сюда иди, – Смак подманил меня к себе: – Здесь стой.

– Охрана? – Замираю на месте, делая себе зарубку в памяти – какие, нафиг, два года? Ну, или год? Тодд же говорил, что вся эта свистопляска вот только началась? И те изменения... За пару лет они ой как далеко зайдут. Нет, нету и меня пары лет. Нет и точка!

Хм... Но, если поверить Смаку – а ему врать смысла нет, то эта байда тянется уже порядком. И да, Тодд, скотина в рясе, скажи мне правду, я о том, что я сюда надолго загремел, не факт, что я б согласился. Уж лучше в каменном мешке сдохнуть, чем здесь, с дикарями по лесам прыгать.

Ну, Тодд, ну...

Прерываю бег мыслей, переводя взгляд Смака, уже немного отошедшего от меня.

Впереди, в стене, я увидел ворота с небольшой дверью, перед которыми из мешков с землёй, или с песком, были сложены несколько стрелковых ячеек.

– Сегодня Игорь Кнут и Васька Ломбард дежурят, – чуть повернув голову и продолжая держать руки поднятыми, он шагнул к воротам: – Эй! Кнут, Ломбард! Это я – Смак! Новичка привёл. Знаменитость! Про него в новостях показывали.

Подхожу к нему, останавливаясь в паре шагов за его спиной.

– Тут такое дело, – не поворачивая головы, и почти не шевеля губами, продолжил он: – Уходил-то я один, а назад –

с тобой. Подозрительно, понимаешь? Может меня аномалия новая съела, кто ж его знает. А Кнут с Ло...

– Смак? Ты, что ли? – Из-за левой ячейки показался ствол штурмового карабина, а затем и голова владельца, на которую была надета каска самого простого образца.

– Да я! – Мой спутник, продолжая держать одну руку над головой, опустил вторую и погрозил кулаком охраннику: – Ну? Убедился?

– А это кто? – Над забором, справа от ворот, появилась ещё одна каска: – Чего он молчит? Пусть скажет чего-нибудь!

– Чего-нибудь! – Послушно повторяю слова охранника: – Я это, ну – человек.

– Уверен?

– Был! Пока тут не очутился, – хмыкаю, опуская руки вниз, несмотря на недовольное шипение Смака: – Лётчик я. Военный. Сэм Люциус. Был, то есть лётчиком. Испытатель. Позывной Поп.

– Допустим, – голова на стене исчезает.

– А это кто? – Тот, что был за мешками с песком, встаёт, держа ствол наготове: – Чёрт за ящик, летающий?

– Мой дроид, – не поворачиваясь, киваю назад: – Экспериментальная модель. Вместо комплекта выживания. Вроде как помощник. С продвинутым ИИ, всё понимает, только говорит плохо, – последнее произношу специально для Бродяги. Вот только мне не хватало, чтобы он тут беседы разво-

дить начал.

– Это твой самолёт днём рванул? – Над забором снова появляется каска.

– Мой. Я программу испытаний отрабатывал, а оно вон как, – развожу руками: – Так что? Пустите?

– Ну... – он исчезает, но уже через миг за стеной скрежещет запор и дверь распаивается.

– Чего не пустить хорошего человека, – шагнув за проём, охранник приглашающе поводит рукой: – Добро пожаловать в Солар-сити, Сэм Поп.

Внутри, то, что я вижу за стеной, лишний раз подтверждает слова Тодда о глобальной разрухе, охватившей этот мир. Впереди, составляя квадрат своими телами, возвышаются стандартные пятиэтажные дома, собранные из типовых блоков. Многие окна, да не, не многие, почти все, щерятся на меня пустыми провалами выбитых окон и только первые этажи ещё как-то обжиты. Там, среди них, нет-нет, да и проглянет свет, пробивающийся сквозь щели в грубо сколоченных щитах, прикрывающих проёмы окон.

Сам Купол, этого нельзя не отметить, отсюда, с территории внутри забора, выглядит куда как меньше – его полог накрывает лишь небольшой квадрат зданий, причём углы домов торчат сквозь синеву прожилок, оставляя себя без защиты.

Ещё я вижу какие-то руины – явно недостроенные домики

такого же проекта, что и в центре, несколько домов, сложенных из кирпича, но стоящих в отдалении от Купола и, потому, заброшенных, дорогу, остановку наземного транспорта, на удивление хорошо сохранившуюся и... Но тут Смак, потянув меня за рукав, кладёт конец моему осмотру.

– Пошли, нечего ворон считать, успеешь ещё красотами налюбоваться, – говоря это, он сдёргивает с плеча ружьё: – Крысы и собаки, – следует пояснение, в ответ на мой, полный непонимания взгляд: – Жуть как расплодились, а от нас, – он кивает на пакет, который я повесил на крюк, специально для подобного, приклёпанный к корпусу Бродяги: – У нас мясо. Свежее. Сейчас мы к Михалычу – он у нас за старшего, представим тебя. После в кабак – крыс сдать. Ну а потом можно и к Рафику – Михалыч тебе сертификат даст. На ствол, патроны, нож и всё прочее, что каждому положено. Мы же люди, нельзя своих вот просто так бросать. Давай, – толкнув меня в бок он порысил в сторону Купола, нацеливаясь на ближайшую щель между торцами пятиэтажек.

Прежде чем перейти к описанию встречи с местным руководством и прочими жителями Солар-сити, уделю пару слов тому, что открылось мне, стоило нам зайти внутрь квадрата, составленного из зданий.

Первым, что просто бросалось в глаза, была та самая установка-генератор силового поля, расположившаяся прямо перед нами. На небольшом постаменте, сложенном из уложен-

ных плашмя, друг на друга, бетонных плит, стояла разлапистая конструкция, вызвавшая у меня ассоциации и с ёлкой, и с кактусом одновременно. От центрального столба, или ствола – из него, вертикально вверх уходил поток, ну, наверное, энергии, синего цвета, отходили в стороны и вверх ещё пять коротких толстых веток. И в самом стволе, и в ветках, были вставлены крупные святающиеся камни. Или, не камни, но нечто гранённое, размером с пару кулаков. Рядом с плитами, но уже на земле, стоял железный шкаф – такие ещё называют распределительными, а от него, ко всей этой конструкции, тянулся толстый кабель пронзительно оранжевого цвета. Само место, где расположился генератор, было обнесено сетчатым забором с настежь распахнутой калиткой.

Признаюсь – подобное отношение к центральной системе, отвечавшей за безопасность всех находящихся тут, под её покровом, меня поразило до глубины души, отчего я немедленно поделился со Смаком своим удивлением.

– Охрану? У генератора Купола? Ха! Ну ты сказал, – рассмеялся он в ответ: – Ты чё? Серьёзно думаешь, что найдётся debil, готовый разрушить свой дом?!

Неопределённо пожимаю плечами – всякое, мол, бывает.

– Не, – тянет он меня за рукав, обходя двухэтажное здание прямо перед генератором, над единственным входом в которое криво висит вывеска с небрежно исполненной надписью: «Магаз».

– Там Рафик барыжит, – отпускает он прямо на ходу ко-

роткие комментарии: – И Два Ха склад держит. Пошли, – следуя за ним обхожу здание, обнаруживая перед собой небольшую площадь, превращённую местными в подобие кафе, или, что будет вернее, в место для распитий.

Самодельные, сколоченные из досок, столы с лавками, обложенное камнями место для огня, вокруг которого кругом лежат ящики из-под патронов. Пейзаж дополняют основательно проржавевшие остовы машин – легковушки и грузовика и, судя по тому, что ржа здесь основательно попирировала, стоят они здесь уже давно. Ну, явно не полгода.

– Нам – туда, – вытянув руку, Смак указывает на дом с рядом подъездов. Над одним вижу табличку «Администрация», над другим сразу две. Вернее, одна, но разделённая на две части. Слева на ней написано «Бар», справа же красуется жирный красный крест.

– Ага, – кивает мой спутник, увидев, куда я смотрю: – В кабаке крыс сдашь, а прямо напротив наш док. Семён Петрович, – имя-отчество местного эскулапа он произнёс с явным уважением, отчего в моей памяти появилась очередная зарубка – а медики здесь в почёте.

Кабинет Михалыча, главы Солар-сити, представлял собой небольшую комнату с окном на внутренний двор, на подоконнике которого стоял пустой цветочный горшок, рядом с которым лежала дешёвая алюминиевая ложка. Кроме самого обычного стола с лампой и парой толстых журналов-гросс-

бухов, здесь был шкаф, лишившийся створок, да небольшой пуфик, притулившийся к батарее под окном. Дополняли обстановку розовые обои с золотистыми, сильно выцветшими цветочками и лампочка без какого-либо абажура, свисавшая с потолка.

Сам Михалыч был мужиком лет так под шестьдесят, с хорошо сохранившейся спортивной фигурой и лёгкой сединой в русых волосах.

– Аaaa! Новичок! – Привстав, стул громко скрипнул, глава поселения протянул мне руку.

Рукопожатие крепкое, но в меру.

Что ж, сломать, демонстрируя силу не пытается. Это плюс.

– Так ты и есть тот самый испытатель? – Откинувшись на спинку стула он быстро окидывает взглядом мою фигуру: – А к нам каким ветром занесло?

– Да если б я сам знал, – оглядываюсь, но сесть некуда – не на пуфик же, ясно что там любимое место начальника.

– Летел, программу отрабатывал, а оно вон как вышло. Только назад пошёл, а тут туман какой-то и – бах! И нет самолёта. На парашюте спускался.

– Ага, – кивает Алексеич, разглядывая пятна на моём комбезе: – Что ж... Складно поёшь. Главное – фальшивить не начинай, здесь народ фальши ой как не любит. Ну да ладно, пилот – время, оно покажет, врёшь ты, или нет. Оно покажет, а мы – посмотрим.

– Да я и не... – Начинаю было оправдываться, но он, не

слушая меня, машет рукой, одновременно вытаскивая из нагрудного кармана рубашки небольшой блокнот.

– Рафику передай, – что-то быстро чирикнув, он выдёргивает листок, протягивая его мне: – Всё, боец. Свободен. Будут вопросы – заходи.

Смак, дремавший внизу, кабинет Михалыча был на втором этаже, мигом пробудился, стоило мне выйти из подъезда.

– Ну как?

– Вот, – протягиваю ему бумажку, где разборчивым почерком написано: «Выдай нач комплект.». Ниже резкая подпись и оттиск печати. Вот она, печать, заставила меня замедлить шаг, когда я спускался на улицу. Сам оттиск был простым – кружок, по центру которого шарик планеты, развёрнутый к зрителю самым большим материком, и две надписи. Первая, крупная, что была под глобусом, интереса не вызывала – стандартная фраза: «Для официальных бумаг». Ничего необычного – печать явно прежде в какой-то гос структуре служила, но вот вторая, мелкая, растянутая по верхнему краю печати, была куда как интереснее.

Она гласила: «Здесь не умирают».

– Ааа... Нормально, – быстро просмотрев бумажку, Смак вернул её мне: – Пошли в кабак. Сдашь крыс и к Рафику. Пестик получишь, патроны и подъёмные. Я ж говорил – мы, люди, друг другу помогаем.

Кабак, или Бар, если верить вывеске, прежде был каким-то подсобным помещением, судя по полу, где сквозь грязь виднелись керамические плитки бурого и серого цветов.

Стойка у дальней от входа стены, несколько пластиковых столиков – круглых и квадратных, выцветшие постеры с девками в купальниках, в общем место было так себе. Встретиться мне, прежде, на Станции, или в наземном порту подобное заведение – прошёл бы мимо, безглаголиво поджав губы.

Тошниловка, рыгаловка – это были именно те определения, что идеально соответствовали данному месту.

Посетителей было немного – за одним столиком дремал, привалившись к стене бородатый мужик лет тридцати, а за ещё одним расположилась парочка, не спеша поглощавшая что-то жаренное со своих пластиковых тарелок. Девушка, детали фигуры которой скрадывало зелёное мешковатое облачение, была коротко стриженной и рыжеволосой. Судя по стволу, прислонённому к стене, она была снайпером – на её длинноствольном ружье виднелся массивный цилиндр оптического прицела. А вот её спутник, налысо стриженный мужчина, тоже около тридцати лет, предпочитал уделять внимание не содержимому своей тарелки, а короткоствольному пистолет-пулемёту, который в разобранном виде занимал почти всё свободное пространство стола.

– Дреза, Хар, – проходивший мимо них Смак помахал

рукой, приветствуя знакомых: – Как ещё? Не всех кабанов перебили? – И не дожидаясь ответа, парочка не обратила на него никакого внимания, двинулся к барной стойке.

Дядя Боря, местный бармен, как и Михалыч, был мужчиной в возрасте и крайне немногословным.

Ответив кивком на приветствие Смака, и удостоив меня лишь беглым взглядом, до кивка я, судя по всему, ещё не дорос, он принял пакет с крысами, заглянул в него, а затем, убрав его под стол, быстро принялся отсчитывать кружочки серебристого металла.

– Кому? – Высыпав на стойку пригоршню монет, он посмотрел сначала на Смака, а затем на меня и дождавшись кивка моего спутника, сдвинул монетки ко мне.

– Будешь чего? – Потеряв ко мне интерес, он повернулся к Смаку.

– Кролика, водки и воды.

– Садись, принесу, – бармен повернулся ко мне: – А ты?

– Я? Ааа... А что есть.

– Смотри, – на стойку лёг лист бумаги, покрытый сальными пятнами. Беру в руки и читаю написанные квадратным почерком строки: «Вода чистая – 20, грязная – 10, кролик – 20, отбивная из кабана – 50, водка – 30, курица жар – 10, тушёнка банк – 60, соль, перец – 10».

– Я ещё зайду, – положив бумагу на стойку поворачиваюсь было к выходу, но Смак, попавшийся на глаза, немедленно корректирует мои планы, отчего я разворачиваюсь назад, к

бармену:

– Водки дайте.

– Тридцать.

Отсчитываю нужную сумму, одновременно разглядывая монетки. Дизайн тот же самый, что и на печати – шар планеты с названием под ним, и все те же надписи по ободу. Да, с дизайном здесь явно не парились. Вторая сторона несёт на себе номинал – 1, 5, или 10.

Получив бутылку – красно-белая этикетка мне не знакома, подхожу к Смаку и ставлю её перед ним.

– Спасибо.

– Да брось ты, – расплывается он в улыбке, явно довольный подношением:

– Ты это, ну, как у Рафика закончишь, приходи. Посидим, поболтаем, – щёлкает он пальцем по горлышку моего подарка: – Расскажешь, что там, – кивает он на потолок: – Придётся?

– Обязательно, – кивнув, направляюсь к выходу.

В «Магазе» Рафика было немногочисленно.

Уж не знаю, что в этом здании было прежде, но сейчас, стоило только перешагнуть порог, как посетитель оказывался в просторном зале, вдоль всей длины которого был выстроен прилавок, от которого, до потолка, тянулась сетчатая стена, с окошками в паре-тройке мест.

Вот подле этих окошек народ и теснился, что-то негромко,

неразличимо для моего слуха, обсуждая.

Подслушивать чужие разговоры я не любил никогда, а потому коротал время, прогуливаясь по залу.

В дальнем конце от входа вижу ещё одно окно, за которым виден дремлющий в кресле с откинутой спинкой человек. Вывеска над его окном лаконично сообщает мне, что это склад.

Запомним. Если я тут надолго застрял, то это мне понадобится.

Осторожно, стараясь не потревожить сон кладовщика, разворачиваюсь, начиная путь назад, благо у нужного мне окна, уже никого нет – решившие свои вопросы люди либо уже на улице, либо перетекли к нескольким игровым аппаратам – что-то навроде одноруких бандитов, где и стоят, продолжая своё обсуждение.

– Эээ... Дарагой! Зачем стоишь, сюда иди, да? – Рафик, смуглый и черноволосый южанин, замахал руками, едва я оказался подле окна: – Новенький, да? Ты тот лётчик, да? Вах! Рад тебя видеть! Барашка б зажарил ради такого гостя, так нет их тут! – Он, с явной досадой развёл руками: – Но ты нэ пэреживай, дарагой! Рафык, – хлопнул он себя в грудь: – Поможет. Ты, говоришь, я – помогаю. Ты доволен – я доволен. И всэм ха-ра-шо.

– Мне, – вытащив из кармана полученную от Михалыча бумажку, кладу её на прилавок: – Вот.

– Бумажки, шмуражки, зачем таким обижаэш, да? мог бы и сразу прийти – Рафик поможет, – говоря, вернее строча словами как из пулемёта, он, тем не менее, тщательно разгладил бумажку, а затем, вытащив из-под прилавка толстую книгу и клеевой карандаш, аккуратно вклеил её на страницу, уже на треть заполненную точно такими же, или очень похожими записками.

– Момэнт, – подмигнув, он отошёл к противоположной стене, заставленной ящиками характерного, присущего всему военному вида, и спустя минуту вернулся.

– Вот! Муха нэ еб... нэ сидэл! – Он, не скрывая удовольствия, выложил на прилавок небольшой пистолет и коробку патронов: – Владей! Новьё!

– Это что? – Взяв пистолет в руки, разглядываю.

М-да...

Ствол похож на стандартную полицейскую пукалку. Кошака – точно завалит. Собаку – вряд ли. Ну а человека... Ну, если в глаз попасть, но тут такая точность... Чёрт. Эту игрушку нужно в глазницу воткнуть – тогда, если сvezёт, не промажешь.

– Бэри-бэри, – правильно поняв выражение моего лица, Рафик пододвигает ко мне патроны: – На крыс – самое то. Настрэляешь, Борису, в бар снесёшь, денежку получишь. А денежку получишь – сюды иди. Я тебе, – подавшись вперёд он перегнулся через прилавок и быстро огляделся по сторонам.

– Я тебе нормальный ствол дам, – продолжил он шёпотом: – Рэдкий-рэдкий, мощный-мощный, Мечта! А не оружие.

– Крыс? Зарядить, прямо здесь, можно?

– Конечно! Всё одно под Куполом оружие на стреляет. Заряжай, разряжай – играйся со сколько хочешь!

Кивнув, снаряжая магазин и пару запасных, распределяю и их, и оставшиеся патроны по карманам: – Ну, можно и крыс.

– Кы-рыс, собак стреляй, – расплывается он в улыбку: – Кырыс дяде Боре, лапы – перэдний лэвый мне неси. Михалыч на них, собак, охоту объявил. Достали – сил нэт. Мне приноси, я платить буду.

Киваю и хочу уже уйти, но, в последний момент, спохватываюсь.

А крыс потрошить, если подстрелю, чем? Да и лапы, не отгрызать же их.

– Рафик? А нож у тебя есть?

– Канэшно, дарагой! Вах! Старый стал! Забыл! Вот, держи, – на столе появляется дешёвый нож с рукоятью, штампованной из пластика.

Дерьмо, конечно, но мне и этот сойдёт.

– Патронов ещё возьмёшь?

На его ладони лежит коробочка – точно такая же, что он отдал мне по записке Михалыча.

Отрицательно мотаю головой – денег и так мало.

– А почём? – Цену узнать лишним не будет. Сейчас, с тремя магазинами, у меня 24 выстрела. Ещё 6 – в кармане, коробка на три десятка была.

– Четыре за монету.

– Киваю. Значит, две монеты – магазин. Ну, не так уж и дорого, зная, что за тушку мне дядя Боря 25 отвалит.

– Иди, стреляй, – кивает продавец на выход: – Настреляешь, приходи – я тебе нормальный ствол подготовлю.

В его руке появляется револьвер. Самый обычный, с барабаном на шесть патронов. Это всяко лучше, чем та игрушка, что торчит у меня за поясом. Заряжать, конечно, долго, но бьёт хорошо.

– Сколько? – Киваю на револьвер.

– Сэм сотэн. Тэбе, как гостю, скидку сделаю. За шест-восемьдесят отдам. Всего, – качает он головой: – Пара-тиройка днэй и он твой. Вах! Какой ствол! – Подняв пистолет, он толкает барабан и тот с визгом делает несколько оборотов вокруг оси, быстро замирая на месте. Ясно, складской. Даже консервационную смазку не удалили. Это и хорошо, и плохо. Но, при любом раскладе, мне этот ствол не светит – нищий я.

– Принято. – Развернувшись шагаю к выходу.

Что ж... Собачки, так собачки. Поохотимся.

Спустившись по ступенькам подзываю к себе Бродягу, всё это время висевшего в стороне от входа.

Спросите – а чего я его с собой не взял?

А зачем?

Да и не знаю я местных правил. Пока не знаю. А вдруг тут дроидов конфискуют без предупреждения, стоит им на территорию чужой собственности попасть? Вокруг же – разлуха, а тут такое богатство само в руки летит?!

Не, лучше так, пусть снаружи подождёт.

– Дело такое, – в двух словах описываю ему текущие расклады: – Делаем так, – подвожу итог, радуясь, что он не перебивает: – Я, сейчас, на собак. А ты иди крыс валить.

– Может наоборот?

– Не, именно так. Крыс ты уже знаешь, а вот собачки ни мне, ни тебе, незнакомы. Вот отгрызёт она тебе манипулятор – где чинить будем? Тут и близко ничего подобного нет.

Спорить, к моему облегчению, он не стал – просто качнул корпусом и поплыл прочь, нацелившись на ближайший проход меж домами.

А вот я – задумался.

Чтобы Бродяга, вот так просто, без споров, согласился? Нет, вот чего-чего, а подобного за ним не водилось. Может так поле действует? На его электронику? Так она же только оболочка, сосуд, если это применимо, для души по сути неживого создания.

Ладно. Отложим, пока, этот момент в сторону.

Меня ждут собачки, а потому, развернувшись в противоположную сторону, шагаю к проходу, противоположному тому, за которым только что скрылся мой напарник.

Помните, что я говорил про этот пистолет?

В части собак? Вот-вот.

Действительность оказалась именно такой, как я и описывал.

Первого пса я завалил легко – лохматая дворняга, выскочив из густой травы на дорогу, уселась чесаться, опрометчиво подставив мне бок.

Три выстрела – до неё было не более десятка шагов, и псина, не издав и звука, валится на дорожное покрытие, заливая его кровью.

Схватив её за лапы оттаскиваю под купол, где, поменяв магазин, отпиливаю грязную лапу.

Но эта победа, оказавшаяся слишком лёгкой, стала практически единственной.

Следующая собака, стоило мне только поднять ствол, немедленно ощерилась, зарычала и, скакнув в сторону, моментально исчезла в высокой траве.

– Ну, раз гора не идёт... – держа ствол наготове, шагаю в траву, не догадываясь, что совершаю большую ошибку. Понимание этого настигает меня спустя минуту, когда я, отойдя от Купола на десяток шагов, вдруг слышу за своей спиной рычание сразу на несколько голосов.

Ага!

Пёсики-то здесь, отнюдь не глупые живут. Пока я крался по траве, выглядывая, а не мелькнёт ли впереди десятка мо-

нет в виде тёмной спины, собачки, бесшумно обошли меня сзади и теперь, вывалив розовые языки, следили за каждым движением наивного охотника.

Ну что сказать...

Стрелять я начал навскидку, не жалея патронов. А стреляю я неплохо, нет, не снайпер, конечно, но вполне могу попасть в цель даже и из такого хренового ствола как этот.

И ведь попал!

Первая, из троицы, словив пулю прямо в распахнутую пасть, опрокинулась на спину, дрыгая ногами в агонии. Её соседка, мои пули вырвали приличный кусок мяса из бока, с визгом рванула прочь, оставляя хорошо различимый на светлой траве след. Но вот последняя, не иначе, как самая умная из всей троицы, поступила куда как хитрее.

Стоило мне только сделать первый выстрел, как она, отпрыгнув в сторону, скрылась в траве. Но лишь только я выщелкнул магазин, спеша заменить его на новый, как она, не издавая ни звука, перешла в атаку, вцепившись мне в голень.

Больно было – жуть.

Тварь, оперевшись всеми четырьмя лапами в землю, рыча, мотала головой, разрывая клыками мою плоть.

В принципе, я бы мог собой гордиться – рыча от боли едва ли не громче неё, я таки сумел заменить магазин, а затем, передёрнув затвор, всадить все пули в её спину, практически изрешетив злобную псину.

Но, торжествовать победу было рано. Кровь хлестала так, что и не надо было быть врачом, чтобы вынести фатальный вердикт. Сжимаю зубы и качаясь, стараясь не обращать внимания на круги перед глазами, бреду к Куполу.

Там люди – дойду, помогут, не бросят же своего?

Границу Купола я переполз, подтягиваясь на руках и не имея сил встать.

Переполз, а затем, приподняв ствол, жму спуск, спеша выстрелом позвать помощь.

Щёлк!

Боёк сухо стучит о капсюль, но тот не обращает внимания на этот зов.

Осечка?! Чёрт! Рафик же говорил – под Куполом оружие не работает!

Пытаюсь передёрнуть затвор, но сил нет, да и руки, перемазанные кровью, скользят по затворной раме.

Всё.

Резко потяжелевший пистолет выскальзывает из ослабевших пальцев, а я, привалившись плечами к стене дома, начинаю плавное скольжение в черноту, ту самую, что дарит отдых и покой всем, достигшим своего срока.

Несильный пинок в бок отбрасывает меня от той заветной грани, а затем кто-то, не церемонясь и не обращая внимания на мой вскрик, резко дёргает пылающую огнём ногу.

– Эк тебя. – Всё тот же неизвестный, сильно хриплым

голосом, констатирует моё состояние, отчего я, всем существом протестуя против насилия, не дающего мне насладиться вечным покоем, пытаюсь разлепить налитые свинцом веки.

– А аптечки что? Забыл? Эх... Ну, молодёжь, ну вы даёте.

Ногу заливают чем-то, по холоду сравнимым лишь с жидким гелием. Морозная волна, сотрясая тело дрожью, прокачивается во мне накрывая с головой, а когда она исчезает, пройдя сквозь всего меня насквозь, я разлепляю веки, чувствуя себя заново родившимся.

У моей ноги, прижимая к ней небольшую зелёную коробочку, сидит на корточках мужчина лет тридцати, весь заросший рыжей бородой.

– Очухался, – всё так же хрипло басит он, и в бороде прорезается щель улыбки: – Чего ты на собак, да без аптечки попёрся? – Говоря это он убирает коробочку от моей ноги, прищёлкивая её к поясу, а затем, оттянув левый рукав, вглядывается в небольшой продолговатый экран, удерживаемый на руке парой ремней выше запястья.

– Во... Семьдесят три процента на тебя ушло, – смотрит он на меня, продолжая улыбаться: – Лихо тебя порвали. Ещё б немного и всё, амба! На ресалку б ушёл.

– Спасибо, – оттолкнувшись руками от земли, усаживаясь, привалившись спиной к стене.

– А ты чего это? – Бородатый тычет пальцем в мою левую руку: – Ну, без КПК?

– Без чего?

– Ну этого, – он, несколько раз взмахивает левой рукой, где экран и видя моё непонимание, поясняет: – Этот, ну компуктер переносной. Зачем снял?

– Ка-Пэ-Ка? Нет его у меня. Ты это скажи – я тебе, за лечение, сколько должен? Денег у меня немного, сую руку в карман нашаривая монеты, но хоть что-то.

– Деньги? Забудь, – отмахивается он: – Копейки. Я вот только с кабанов иду, – хлопает он рукой по объёмистому рюкзаку, стоящему рядом: – Клыков набил, сердец – ща Рафика удар хватит, когда я всё вывалю.

– Удачно поохотился? – Раздвинув обрывки брюк комбеза изучаю ногу в месте укуса.

Ого!

А кожа-то там – чистая, словно никто и не кусал. Ничего себе! Даже шрама нет!

– Да не гляди, нормально всё, – борода, по-своему понимает мой интерес: – Ты мне вот чё скажи – чего без КПК ходишь? Ты что? Только что родился?

– Можно и так сказать, – поднимаюсь на ноги, протягивая руку: – Спасибо! Я – Сэм, позыв... Прозвище – Поп. Только сегодня здесь оказался. Лётчик я, испытатель.

– Ааа... Так это твой самолёт днём грохнул? Слышал уже. Я – Алик, можно Рыжий, – пожимая мне руку, он другой, для наглядности, треплет бороду: – Лихо ты. Первый день, и едва не откинулся. А КПК возьми, вещь нужная. Она... –

Он на миг смолкает, подбирая слова: – Ну... Нужная вещь. В ней всё – и карты, и рецепты, всё, в общем. Чего голову забивать? Да и аптечками она управляет – определяет, что тебе нужнее. Что ещё... Радиацию показывает, если дозиметр есть, фонарик опять же. Короче, – рубит он воздух ладонью – КПК – это всё! Ты у Михалыча был?

Киваю.

– А чего не взял? Спрашивал?

Развожу руками: – Так я и не знал, я ж только-только тут оказался.

– Не знал, а в драку полез, – Алик досадливо качает головой: – Запомни, Поп, здесь теперь не то, что раньше. Тут – с оглядкой ходить надо – даже если ты по этой дороге сто раз ходил. Сто – нормально было, а на сто первый – раз! И грав концентрат вырос. Не страшно, что сдохнешь – тут не умирают, времени жалко. Ну, и хабара тоже. В общем, – нагнувшись, он подхватывает свой рюкзак: – К Михалычу иди. Пусть тебе КПК и пояс выдаст. Понял?

– Ага, – кивнув, помогаю ему попасть рукой в лямку: – Прямо сейчас и пойду. Только лапу заберу – всё деньги.

За лапу Рафик отвалил мне аж десять монет, покачав головой и поворчав за мою лень – мол мог бы и больше настрелять. Мои оправдания – что едва не сдох, и что, по факту завалил ещё двух, он оставил практически без внимания, лишь постучав пальцем по лежавшей на прилавке лапке.

Всё было ясно и без слов – есть добыча – есть деньги, а слова, а что слова, их, к делу не пришьёшь.

Ладно, буду надеяться, что у Бродяги дела лучше пошли.

Михалыч, по-прежнему сидевший за своим столом, встретил меня удивлённым взглядом, стоило мне появиться на пороге.

– Привет, пилот! Забыл что?

– Не я, – подойдя к нему чуть наклоняюсь, нависая над ним: – Ка-Пе-Ка. И пояс. С аптечкой и прочим.

Несколько секунд Лексеич смотрит на меня так, будто я заговорил на латыни, но затем, не скрывая удивления, встаёт:

– А у тебя, что – нет?

– Откуда, я же только что...

– Вот чёрт! – Выйдя из-за стола, он подходит к шкафчику, где, распахнув створки, принимается копать в содержимом, скрытом от моих глаз его спиной.

– Держи, – развернувшись ко мне он протягивает приборчик с экраном и ремнями и пояс – узкую полосу пластика, практически вся поверхность которого покрыта различными креплениями и разъёмами.

Ремень я перекидываю через плечо, а вот КПК принимаюсь вертеть в руках, стараясь рассмотреть в деталях. В прочем, смотреть тут особо не на что. Тонкая пластина светлого металла с проушинами под ремни. Сверху – тонкая пласти-

на тёмного пластика, экран, как я понимаю. Снизу, там, где КПК соприкасается с кожей, всё заклеено толстой бумагой, прощупывая которую ощущаю поперечные выступы, словно там размещены тонкие брусочки.

– Чего смотришь? – Отобрав у меня КПК, Михалыч отдирает бумагу, и я вижу именно то, что ощущали мои пальцы – небольшие прямоугольные выступы из светло синего металла.

– Прикладывай к руке, – держа устройство за ремень он протягивает его мне: – Крепи и жди – сейчас проснётся.

Делаю, как он велел, ощущая, как холод от прикосновения начинает меняться, превращаясь в серию уколов. Поначалу они едва заметны, так, мурашки, не более, но проходит несколько секунд и безобидное покалывание сменяется сначала лёгкой, а затем и весьма неприятной резью, расплывающейся вокруг закреплённого ремнями КПК.

– Терпи, – видя мою гримасу Михалыч кладёт руку мне на плечо: – Не смертельно, все через это проходили. Терпи.

Деваться некуда – терплю, стараясь не замахать рукой, раздираемой болью. А она растёт – уже не просто резь, сейчас мне кажется, что устройство, накрепко прижатое ремнями к руке, просто пожирает мою плоть, жадно чавкая и обгладывая кости.

Всё!

Не могу больше! Снять! Снять немедленно, снять, прежде чем эта дрянь, окончательно не отгрызла...

Боль исчезает сразу вся, оставляя нервную дрожь как память о произошедшем.

– Вот теперь он твой, – Михалыч, убрав руку с моего плеча, подмигивает, кивая на экран.

Пошевелив пальцами – нет, эта дрянь не перегрызла мне руку – пальцы исправно шевелятся, хоть и дрожат, пошевелив пальцами, перевожу взгляд на слабо светящийся экран.

Хм.

А он пуст.

Просто светится, и не более того.

– Так, – Михалыч, уже вернувшийся на своё место, копается в столе: – Так... Ага... Базовые рецепты для костра, ага... Горное дело – основы... Есть, карты... Карты... Ведь были же у меня карты... Ааа... – Чуть подавшись вперёд он наваливается грудью на стол, глубоко запуская руку в ящик: – Есть! Держи!

На столе, выстроившись короткой шеренгой, лежат три маленьких, с ноготь мизинца, брусочка. Все три – светятся, слабо, но различимо. Оранжевый, серебристый и бледно-зелёный.

И что мне с ними делать?

– Приложи к экрану, – видя моё замешательство он приходит на помощь: – По одному. Пока не погаснут.

Беру первый, налитый апельсиновым свечением и прикладываю. Стоит только брусочку коснуться экрана, как свет, наполняющий его, принимается перетекать на экран,

расходясь ярким пятном по тёмной поверхности. Всё это занимает секунд пять, а когда брусочек гаснет, то весь экран светится приятным глазу оранжевым свечением.

Но – недолго. Не успеваю я удивиться, как он гаснет, но взамен, как память о произошедшем, в его центре появляется яркая строка оранжевого цвета: «Костёр. Полевая кухня и пр.». Хочу коснуться, интересно же – что там, но окрик Михалыча не даёт исполнить задуманное: – Бери остальные. Грузи и иди. Дел, – он хмурится: – И без тебя много.

Кивнув, и не забыв прихватить со стола блоки памяти, выкатываюсь на улицу. Серебристый, залив свои данные в КПК, одаривает меня надписью, что рядом никаких месторождений нет, а вот бледно зелёный, стоит его содержимому оказаться в памяти устройства, немедленно превращает экранчик во вполне читаемую карту, на которой обнаруживаю себя по её центру.

Ага...

Верчусь на месте, осваиваясь... Так... Вон, прямо впереди, магаз Рафика. Вижу его и на карте – прямоугольное здание, с надписью «магазин» по крыше. Сзади, в брус трёхэтажки за моей спиной, появляются две точки, обозначенные соответственно «админ» и «бар».

Что ж – ясно. Карта, как карта, разберусь, по ходу дела.

Предыдущие две надписи – про костёр и месторождения, стоило только карте занять всё пространство экрана, исчезли, но не бесследно. Свернувшись в кружочки, каждый сво-

его цвета, они переместились на верх экрана, где и замерли, ожидая моего прикосновения.

Ладно. Будет время и с ними разберусь.

Сейчас же есть дела и поважнее. Опоясавшись обновой, замок пояса был самым простым, направляюсь к магазю, где меня уже ждёт Бродяга, чей яркий корпус хорошо заметен на фоне тёмной, облупленной стены.

Глава 3,

в которой мы пытаемся больше узнать об окружающем нас мире и остаться в живых

Мои опасения, те, что его умыкнут, к счастью, оказались беспочвенными. Проходившие мимо люди если и косились на непривычный, для этих мест, механизм, то ограничивали свой интерес взглядами, не желая тратить время на остановку и более глубокое ознакомление.

Ну и к лучшему. Для нас и Бродягой.

– Успешно? – Спрашиваю больше для проформы – в каждом его щупальце зажать по крысиной тушке.

– Семь штук, – чуть повернувшись он демонстрирует мне ещё один трофей, висящий на крючке в борту: – Больше не утащить.

– Неплохо, – кивнув, направляюсь к бару: – Пошли – сдадим трофеи и думать будем.

Нашу добычу Борис принял без вопросов, запнувшись лишь на моменте оплаты. Поначалу, он, как и в прошлый раз, принялся звенеть монетами, отсчитывая оплату, но затем, присмотревшись ко мне, прекратил это дело и начал что-то

набирать на экранчике своего КПК.

– Ты же не против безнала? – Протянул он ко мне руку, держа экран так, чтобы мне были видны цифры.

Сто семьдесят пять.

Ага.

Всё верно, сумма, то есть. Ну а дальше что?

– Ааа... Только подключил, – догадался бармен, видя мою растерянность: – Просто свой, к моему поднеси, и оплата пройдёт.

Подношу, мой КПК вздрагивает, чуть кольнув руку и на экране, уже моём, появляется та самая сумма – 175.

– Здорово, – киваю Борису, не сдерживая улыбки: – И так теперь за всё платить можно?

– Да. Если хочешь – наличку, ту, что есть, приму. Мне монеты нужны – есть у нас некоторые, не признающие безнал.

Цифры, тем временем, меняются, высвечивая актуальный баланс – двести сорок монет, что, по моему мнению, весьма недурно для первого дня пребывания в новом мире.

– К врачу сходи, – теряя ко мне интерес, бармен кивает на выход, не утруждая себя более сложным способом выпроваживания бедного посетителя: – Он чип первой помощи даст, – маскирует он заботой желание побыстрее от меня отделаться: – Тебе лишним не будет.

Кабинет врача, дверь которого была отмечена небольшим красным крестом, я заметил ещё в первый раз, но тогда

идти к Семён Петровичу было не с чем, да и денег не было, не то, что сейчас.

Осторожно постучав и услышав в ответ неразборчивое бормотание, толкая дверь, оказываясь в подобии медицинского кабинета.

Почему в подобии?

Да потому, что внутри самая обычная квартира, где на покрытом линолеумом полу стоят пара шкафов медицинского вида, стоматологическое кресло, койка с панцирной сеткой, проглядываемой сквозь сдвинутый в сторону матрац и стол с микроскопом, за которым сидит сам эскулап, разглядывающий меня с нескрываемым воодушевлением.

– Здравствуйте, Семён Петрович, – заходить внутрь мне совсем не хочется – сказывается моя нелюбовь к врачам в общем, а дантистам в особенности. Не поймите неправильно – я не спорю, что врачи делают очень нужное дело, но вот что до меня, то уж простите, но я как ни будь сам. Ну, полечусь.

– И тебе здравствовать желаю. Чего встал, заходи, – приподнявшись со своего места, он хлопает ладонью по спинке пластикового стула, стоящего рядом со столом и бывшего родным братом мебели, виденной мной в баре.

– На что жалуемся? – Стоит мне усесться, как док, поправив халат, достаёт из недр стола стетоскоп, вешая его себе на шею.

– Ты же новенький, да? Пилот-испытатель? Всё верно? Я

ничего не упустил?

– Всё так, – киваю и видя, что он берётся за стетоскоп, готовясь вставить концы в уши, поспешно добавляю: – У меня всё в порядке. Ничего не болит.

– Точно? Может зубы? Давай, проверю.

– Нет-нет, спасибо, – с трудом сдерживаюсь, чтобы не соскочить со стула: – Я тут по другому делу. Мне бы вот, – подняв руку оттягиваю рукав, демонстрируя КПК: – Программ бы.

– Точно ничего не болит?

– Абсолютно! Спасибо! Здоров!

– Жаль, – вздыхает он: – Я же так совсем всё забуду. Никакой практики. Купол, – он кивает на окно: – Всё лечит. Медленно, но верно. Ну и аптечки тоже, – ещё раз вздохнув, Семён Петрович принимается копать в столе, чтобы десяток секунд спустя выложить передо мной несколько уже знакомых брусочков красного цвета с косыми белыми полосами различной толщины.

– Это – бесплатно, – пододвигает он ко мне брусок с самой тонкой полоской: – Базовое лечение.

– А остальные? – Приложив бесплатный к экрану, киваю на оставшиеся.

– Продвинутое лечение ран, – палец врача касается бруска с более толстыми полосами: – Две сотни монет, полевая хирургия, – указывает он на практически белый, с тонкими красными прожилками, накопитель: – Две тысячи триста.

– Я позже зайду, – кладу на стол, опустошённый моим КПК брусок: – Как заработаю. Только прибыл, откуда у меня такие деньги?! Спасибо, Семён Петрович, если что – я зайду, – поднимаюсь со стула, но врач, качая головой, выражает несогласие с моими действиями.

– И куда собрался, торопыга? Лечиться чем будешь?

– Так я же загрузил?!

– Загрузил он, – хмыкнув, док вытаскивает из ящика стола небольшую коробочку белого цвета: – Держи. Аптечка на три заряда. КПК только определит, что и как лечить, понимаешь?

– Эээ... да. – покрутив коробочку в руках замечаю крепления с одной стороны – точно такие же, что и на поясе. Ага...

Щёлк!

Аптечка прилипает к поясу словно родная.

– Лечит так себе, – кивнув, продолжает врач: – Но хоть что-то. Разбогатеешь – приходи, посерьёзнее дам. И вот ещё, – чуть прищурившись, он окидывает меня быстрым взглядом: – Рюкзак ты где оставил?

– Рюкзак? Нет его у меня.

– Ну ты даёшь. Ствол, КПК взял, а рюкзак чего? Забыл?

– Эээ... Ааа...

– У Михайлыча получи. Новичкам – положено.

– Скажите, – кивнув – понял, мол, задаю вопрос, мучающий меня практически с самого начала моего пребывания

здесь: – А новичков, таких как я, много?

– Мало, – с сожалением качает головой врач: – Появляются, но редко. В основном – как и ты, из прошлого выпадают. А после, – он досадливо морщится: – Кто-то нормально устраивается, а кто-то погибает, или ещё хуже. Если ты удивлён, ну что с тобой тут не возятся, – врач разводит руками: – То ты на людей зла не держи. Выживаем мы тут. Сам понимаешь – не до залётных из прошлого.

– Да я не в претензии, – киваю, и тотчас задаю вопрос: – Погибает? А это как? Тут же не умирают.

– Умирают, друг мой, ещё как умирают. Человек существо такое, что порой лезет туда, куда ни одно животное и носа не сунет. А мы – суём. Причём некоторые – добровольно. От безысходности.

– Понимаю, – немного помолчав, всё же решаюсь уточнить: – А вы сказали – хуже. Хуже, чем смерть. Это вы о чём?

– Ты что? – Удивление на его лице столь сильно, словно я спросил почему деревья при ветре качаются.

– Тебе Михалыч о нашем мире ничего не рассказал?

– Нет, – развожу руками, и он мрачнеет: – Ну, блин! Я с ним поговорю. Нельзя вот так вновь прибывших бросать! Хуже, это когда нормальный человек, с виду нормальный, ЧеЗешником становится.

– Кем?!

– У него спроси, – вытащив из стопки бумаг исписанный лист, Семён Петрович принимается его изучать, давая по-

нять, что разговор окончен. Ладно, я не гордый. Намёки понимаю.

– Спасибо, – коротко поклонившись, направляюсь к двери, подле которой меня настигает его окрик.

– Эй, лётчик?

– Да? – Держась за ручку, оборачиваюсь.

– Будешь за куполом ромашки собирать.

– Ромашки?

– Цветы такие. Жёлтый центр и белые лепестки кругом. Мне неси – покупаю я их.

– На аптечки?

– Да, – кивает он: – Входит в состав заряда.

– Принято, док, – толкнув ручку, распахиваю дверь: – Принесу, обязательно.

Выйдя на улицу немедленно натыкаюсь на Бродягу, поджидавшего меня снаружи.

– Успешно?

– Вполне, – демонстрирую ему аптечку на поясе: – Теперь хоть подлечиться чем есть.

– Подлечиться? Ты же здоров – я тебя сканирую каждый раз как вижу.

– Сейчас – да, но вот собачки мне доставили неприятных минут, – кратко рассказываю ему о своей охоте, ожидая волну негатива и мои опасения оправдываются на все сто.

– Ну ты даёшь! Оставил тебя одного и вот! Ты едва не

сдох! А обо мне ты подумал? Как я тут один буду?

– Не сдох же. Да и не страшно это – тут ресалки есть.

– А ты уверен, что они на тебя сработают? Ты же не местный – только прибыл.

– И что? Думаешь не сработают?

– Я не думаю. Я фактами оперирую. Там, – пара щупалец взмывает вверх, указывая на небо: – Тебе прописаться в системе нужно. Так?

– Ну да. Это сразу, по совершеннолетию, делается.

– А тут?

– Да откуда ж мне знать, Бродяга?!

– Ну так выясни! И учти – пока в этом не разберёшься, я тебя за Купол не пущу.

– Это как? Силой, что ли удерживать будешь?

– Нужно будет и силой. И не сомневайся – удержу.

В последнем я не сомневаюсь – его манипуляторы действительно сильны, сам же у инженера, собиравшего корпус, просил помощнее поставить.

– Хорошо-хорошо. Разберусь. Я как раз к Михалычу собирался. Вот у него и уточню.

Михалыч, в очередной раз увидев меня на пороге, лишь хмыкнул, неодобрительно покачав головой:

– Ну, блин, и молодёжь пошла! Вот нифига на месте не сидится! Чего носишься? Чего от дел отвлекаешь?!

От дел. Ага. Как же.

Бумаги-то, что перед тобой разложены, точно те же, что и прошлый раз были. Или думаешь, что я настолько невнимателен? Извини, начальник, но внимание – это первое в чем Тодд меня дрессировал, выращивая из пилота инквизитора.

Вслух, я, естественно, ничего не сказал.

Просто зашёл, шагнул к окну, подцепил ногой пуфик и, подтянув его к себе, плюхнулся на мягкие подушки прямо перед оторопевшим от такой наглости, Михалычем.

Один-Ноль.

В мою, разумеется, пользу.

Сейчас он орать начнёт.

И... Раз!

– Да... Да ты что себе позволяешь?! – Хозяин кабинета вскочил на ноги: – Ты!!! Мальчишка! Да я таких...

– Ага. За завтраком ешь, да? А ещё – таких молодых, да наглых, полно на кладбище. Верно? Может что новенькое скажешь?

– Ну знаешь...

– Михалыч, – чуть поёрзав на пуфике – всё же моей заднице были привычны более жёсткие подушки пилотского кресла, продолжаю: – Рюкзак.

– Что рюкзак?

– Где? Вот почему я должен всё по кусочкам доставать?! Это здесь традиция такая? Новеньких кругами гонять? Тогда понимаю, чего от вас народ в ЧеЗе бежит – кто ж такое издевательство сдюжит?!

– Не бегут от нас, – как-то резко сдвнувшись, Михалыч вяло махнул рукой, усаживаясь на своё место: – Не знаешь, а языком мелешь.

– Не знаю, – закивал я: – Так не рассказал никто. Вот ты – расскажи, что тут и как. А я уже умишком скудным и пораскину.

– Не юродствуй, – поморщился он: – Тебе не идёт. Да... Хм... Что до рюкзака – сразу говорю, моей вины тут нет. Рафик тебе его вместе с пистолетом выдать должен был. Пистолет дал?

Молча вытаскиваю из-за пояса свою пукалку, демонстрируя её Михалычу.

– Дерьмо, да, – кривится он: – Но сам понимаешь, не супер-ствол же тебе давать. Мало ли кто ты и что у тебя в голове.

Молча киваю – да, всё верно. Дадут человеку нормальное оружие, а он раз и по своим палить начнёт.

– Всё нормально, не в обиде я. А рюкзак, может Рафик просто забыл?

– Может и так. Ты сходи, напomini. А если у него с памятью проблемы, то мне скажи – я подойду, освежу, – говоря это он, словно случайно, бросает взгляд на свой сжатый кулак, и тотчас, спохватившись, разжимает пальцы, принимаясь массировать их другой рукой.

– Так что здесь произошло и происходит?

– А ты? Что ты слышал? – Отвечает он вопросом на во-

прос, но я не спешу упрекнуть его в подобном. Зачем? Мне сейчас не спор и обиды нужны, мне информация важна.

– Я слышал, – начинаю, осторожно подбирая скудные сведения – лишнего сказать нельзя, откуда ж мне знать про этот мир: – Что у вас тут рвануло что-то. Много народу побило, города разрушило – я, пока летел, одни руины видел. Ну а больше особо ничего и не видел.

– Рвануло сильно, это да, – кивает Михалыч: – Ну, слушай, тогда, летун. Вот как оно всё было.

Всё началось примерно лет десять назад, когда геологи, рыскавшие по Камчатским горам в поисках месторождений хромитовых и никелевых руд, наткнулись на заваленный камнями корабль.

И да, это был не наш, не человеческий аппарат. Ну не приняты у нас такие плавные обводы корпуса, треугольные коридоры да панели управления, больше похожие на полусферы с разноразмерными дырками по всему телу. А может то и не панели управления были – кто ж чужих поймёт?

Геологи, сумев понять, что находка оказалась вне их компетенции, приняли верное решение и завалив пустой породой проделанный ход, вернулись в столицу, где и доложили об обнаружении чужака.

Доложили, получили премии, отправились отмечать и всё.

Более их никто не видел. Люди просто исчезли.

Позже, по официальным каналам, проскочил коротенький некролог – погибли, сорвавшись в пропасть, при очередных изысканиях. Скорбим, будем помнить вечно и всё такое, положенное при подобных, забываемых на следующий день, случаях.

Район, где было обнаружено нечто, был объявлен бесперспективным, но, как заметили жители окрестных поселений, именно над этим местом отчего-то зачастили пролетать самолёты, а пару раз и тяжёлые вертушки зачем-то зависали в районе, официально признанным совершенно неинтересным.

Официальной версии о строительстве там охотничьей базы для развития туризма – мол именно там водятся особо желанные охотникам горные козлы, естественно, никто не поверил. Дача очередного олигарха – да. База отдыха больших шишек – вполне возможно. Но развитие туризма? В этой дыре? Не смешно, честно. Тут и дорог-то нормальных нет, а вы туристов, и иностранных сюда. Не, бред.

Такое сонное существование продолжалось около семи-восьми лет, за которые власти разбили ещё один туристическо-охотничий комплекс, но уже в море. На острове, совсем неподалёку от нынешнего Солар-сити, в двух-трёх днях пешего пути и нескольких часах на моторке. Там, на Острове, был найден ещё один обломок корабля, который, как по-

яснил мне Михалыч, был длинной почти в десяток километров, что, по его мнению, тянуло не на космолёт, но на орбитальную базу, или станцию, некогда, тьму и тьму лет, висевшую на орбите этого мира.

Добавлю от себя, что я, с его идеей, согласился. Станция, покинутая своими обитателями и затем сошедшая с орбиты, вполне объясняла и его дальнейшие слова и то, что кусков корабля – беру это слово в кавычки, было более двух. Если про первые два вы уже слышали – в горах Камчатки, и на Острове неподалёку от Солара, то про иные куски Михалыч упомянул лишь вскользь, сославшись на байку картографов, обнаруживших крупные металлические образования подо льдами у северного полюса и, ещё несколько, где-то неподалёку от островов далеко на юге.

Но, вернёмся к его рассказу.

Хронология вырисовывалась следующая. Взяв за точку отсчёта момент обнаружения первого куска Станции, у меня получилось следующее.

Нулевая дата – геологи находят обломок.

Первый год-два – строительство горной лаборатории, под прикрытием в виде охотничьей базы.

Спустя семь-восемь лет обнаруживают ещё один обломок – на Острове.

Ещё год, полтора и там, глубоко под поверхностью, возникает База Два, рядом с которой возводят ещё одну лабо-

раторию и пару заводов непонятного назначения.

И вот, на десятый, или одиннадцатый год – жахнуло!

Конкретно!

Превратив в радиоактивную пыль и первую якобы охотничью заимку, попутно разбудив чутко дремавшие вулканы, и вторую, сделав из острова подобие чаши, только чудом не заливаемой водой.

Собственно, тут и заканчивается история Терры как обычного мира и начинается раздел новейшей истории, свидетелем и участником событий который были все выжившие и не сбежавшие в первые дни после катастрофы.

На этом месте своего повествования Михалыч смолк, сглотнул, а затем, помассировав горло, осведомился:

– Ммм?

– Ммм! – В тон ему ответил я, вызвав одобрительный кивок.

Встав с места и потянувшись, он двинулся к шкафу, полки которого были завалены всяким хламом. Хламом, но никак не алкоголем, выпить который он только что предлагал – что я, подобных интонаций не понимаю.

Однако, Михалыч знал, что он делает. Покосившись на дверь, я, поняв намёк, немедленно закрыл её на задвижку, он сдвинул в сторону одну из полок, открыв моему взору закрытое металлической створкой окошко.

Щелчок замочка, створка сдвигается в сторону, и хозяин

кабинета, чуть наклонившись, негромко произносит прямо в окошко:

– Боря? Будь так ласков. На двоих. Да. Ну расстарайся, душевно прошу.

Небольшое ожидание и в его руках появляется поднос с двумя пузатыми рюмками, полными золотисто-коричневым напитком. Между ними – тарелка, полная нарезанного лимона и кусочков шоколада, судя по неровным краям, наломанного прямо руками.

– Ну, Сэм, – подняв рюмку, он смотрит на меня поверх неё: – Помянем Землю. Хорошее, прежде, место было.

Странности, Михалыч использовал именно это слово, начались где-то за полгода – восемь месяцев до Катастрофы.

Скачала из земли полезли непонятные кристаллы, мутно-серого цвета. Не так чтобы много их лезло, но особого труда найти диковинку не составляло. Поначалу их именно диковинкой и считали, списывая появление граненных стержней на нечто сугубо местное и просто оставленное без внимания геологами.

– Чего тут странного? – Рассуждали эксперты центральных каналов: – Недра планеты едва исследованы. Наши шахты едва-едва, на считанные километры, уходят в землю. Кто его знает, что таят глубины? В общем, – на этом месте все эксперты светлели лицом: – Ничего страшного, или опасного. Загадка? Да! Феномен? Несомненно! Опасный? Нет! Ре-

шительно нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.